

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

**Белодед П., Соболевский А.И.,
Петровский А., свящ.**

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Православная Богословская энциклопедия, 1903,
т. 6, с. 909-959

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Іоаннь Златоустъ, св., архіеп. константинопольскій. Въ блестящей плеядѣ св. отцовъ и учителей Церкви IV в. Златоустъ—звѣзда первой величины. Если нѣкоторыя церковныя свѣтила и превосходятъ его по спекулятивной глубинѣ и оригинальности богословствованія, по учености и организаторскому таланту, то какъ толкователь Св. Писанія, какъ учитель нравственности и какъ высокой образецъ пастыря Златоустъ не уступаетъ величайшимъ церковнымъ дѣятелямъ, а по дивной силѣ своего ораторскаго дарованія непререкаемо пользуется въ христіанскомъ мірѣ исключительно славой: Церковь почтила его названіемъ Златоуста, которое съ VII в. является обычнымъ украшеніемъ его имени.

Златоустъ родился въ Антиохіи, вѣроятно, въ 347 г. въ знатной и богатой христіанской семьѣ. Отецъ его Секундъ, занимавшій высокое военное положеніе, умеръ вскорѣ послѣ рожденія сына, оставивъ его и старшую дочь (которая, впрочемъ, жила не-

долго) на попеченіе своей двадцатилѣтней жены Анеусы. Это была благороднѣйшая женщина, давшая въ своемъ лицѣ высокой образецъ истинно-христіанской вѣрности супружескому и материнскому долгу. По ея адресу вырвалось у знаменитаго языческаго ритора Ливанія полное восторга восклицаніе: «Ахъ, какія у христіанъ находятся женщины!» Не смотря на свою цвѣтущую молодость и полную независимость, не смотря, далѣе, на соблазны и невзгоды своего вдовьяго положенія въ такомъ городѣ, какъ Антиохія, гдѣ необузданная страсть къ наслажденіямъ, особенно среди высшаго сословія, не брезговала никакими средствами для своего удовлетворенія,—Анеуса рѣшительно отказывается отъ вторичнаго замужества и въ тиши своего дома всецѣло посвящаетъ себя воспитанію сына. Въ теплѣ ея материнской любви и неустанной заботливости, въ атмосферѣ ея возвышенной религіозной настроенности и безупречной нравственной чистоты возрастали въ богатоодаренной и чрезвычайно воспримчивой душѣ Златоуста тѣ сѣмена любви, вѣры, добра, которыя дали въ послѣдствіи такіе обильные и роскошные плоды. Навѣрное, уже въ дѣтствѣ, подъ благотворнѣйшимъ вліяніемъ матери, зародилась у Златоуста и та великая любовь къ слову Божію, какою онъ такъ отличался въ теченіе дальнѣйшей своей жизни. Просвѣщенная Анеуса не щадила средствъ, чтобы дать сыну прекрасное образованіе. Къ сожалѣнію, объ отрочествѣ и ранней юности Златоуста не сохранилось свѣдѣній. Едва ли, впрочемъ, можно сомнѣваться, что обученіе его въ этотъ періодъ,—по обычаю того времени,—носило общеобразовательный характеръ, а по религіознымъ убѣжденіямъ матери—должно было отличаться строго христіанскимъ направленіемъ. Позднѣе (во всякомъ случаѣ не моложе шестнадцати лѣтъ) Златоустъ проходилъ спеціальный курсъ краснорѣчія у перваго ритора того времени упомянутаго Ливанія, утонченно-идеализированное язычество котораго не представляло теперь для него уже никакой опасности. Своими блестящими ораторскими дарованіями Златоустъ приводилъ въ восхищеніе учителя. Послѣдній, долго спустя, на предложенный ему предъ смертію вопросъ,—кого онъ признаетъ наиболѣе достойнымъ преемникомъ себѣ,—отвѣтилъ: «Іоанна, еслибы христіане

не похитили его у насъ». Кромѣ Ливанія Златоустъ слушалъ еще нѣкоего Андробагаія, подъ руководствомъ котораго занимался изученіемъ философіи. По окончаніи образованія Златоустъ выступаетъ на общественное поприще въ качествѣ адвоката и сразу же имѣетъ громаднѣйшій успѣхъ, а тогда адвокатура открывала путь къ высшимъ должностямъ государственной службы. Это не могло не увлекать юношу. Не могъ онъ также оставаться равнодушнымъ и къ неизвѣданнымъ еще удовольствіямъ тогдашней общественной жизни въ видѣ театровъ, цирковъ. Благородная Анеуса и тутъ была для сына Ангеломъ-хранителемъ. Вѣроятно, это время она и разумѣла, когда говорила, что ежедневно испытывала за него тысячу опасеній и великія заботы. Взяло верхъ воспитаніе, хотя оно (замѣтимъ кстати) и не носило исключительно аскетическаго характера. Возвышенно-настроенная душа Златоуста,—по любимому его выраженію,—напоемая изъ чистаго источника Св. Писанія, не могла удовлетворяться адвокатскими занятіями, съ которыми было сопряжено такъ много сомнительно-условнаго и незаконно-несправедливаго. Не говоримъ уже объ интриганствѣ и алчности окружавшей его судейской среды. Не долго могли удерживать Златоуста и свѣтскія развлеченія, носившія вполнѣ языческій характеръ. И вотъ Златоустъ рѣшается оставить адвокатуру и свѣтъ, чему не мало содѣйствовало задушевишійшій школьный другъ его Василій, который посвятилъ себя «истинному любомудрію», т. е. принявъ иночество, непосредственно по выходѣ изъ школы. Разочаровавшійся въ свѣтской жизни, Златоустъ думалъ было немедленно же послѣдовать примѣру друга, но трогательная мольба матери не повергала ее во второе вдовство и сиротство заставила его на время отказаться отъ своего намѣренія. Только отнынь и въ родномъ домѣ, Златоустъ сталъ уже вести новую жизнь, всецѣло предаваясь изученію слова Божія, аскетическимъ упражненіемъ и дѣланъ благочестія. Въ это время вмѣстѣ съ Василіемъ и еще двумя тоже школьными друзьями—Максимомъ, впоследствии епископомъ селевкійскимъ, и Теодоромъ, впоследствии знаменитымъ епископомъ мопсуестійскимъ, Златоустъ посѣщаетъ особую «школу», гдѣ изучалось Св. Писаніе

подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ учителей пресвитеровъ Флавіана и Діодора (тарсійскаго). Послѣдній долженъ былъ оказать на Златоуста особенно глубокое вліяніе, такъ какъ былъ не только основательнѣйшимъ знатокомъ Св. Писанія и человѣкомъ обширнѣйшей учености, но еще и великимъ аскетомъ. Къ этому же періоду (а можетъ быть и раньше) относится еще знакомство Златоуста съ антиохійскимъ епископомъ Мелетіемъ; послѣдній приблизилъ къ себѣ даровитаго юношу и, закончивъ наставленіе его въ истинахъ вѣры, совершилъ надъ нимъ крещеніе (не позже 370 г.). Вѣроятно, тогда же Златоустъ былъ сдѣланъ чтецомъ, на обязанности котораго лежало читать Св. Писаніе съ амвона во время богослуженія ¹⁾. Теперь Златоустъ сталъ относиться къ себѣ еще съ большею строгостію: для развитія сосредоточенности и самообладанія онъ—недавній ораторъ-адвокатъ—налагаетъ на себя воздержаніе въ словѣ и часто подолгу хранитъ почти ненарушимое молчаніе. Вскорѣ, вѣроятно, умерла благочестивая Анеуса, и Златоустъ уже безпрепятственно могъ посвятить себя «истинному любомудрію». На это время падаютъ его два увѣщанія «къ Теодору падшему». Созерцательно-аскетическая жизнь инока въ представленіи Златоуста окружена была такими исключительнымъ ореоломъ величія и святости, что намѣреніе его друга (Теодора мопсуестійскаго) жениться на любимой женщинѣ и, т. обр., отказаться отъ намѣченнаго прежде отшельничества оплакивается, какъ самое тяжкое преступленіе. Около этого же времени Златоустъ написалъ и два слова «о сокрушеніи» къ инокамъ Димитрію и Стелехію. Своимъ благочестіемъ и образованіемъ Златоустъ и его другъ Василій, естественно, привлекали къ себѣ вниманіе православныхъ въ трудное время аріанскихъ смутъ. Потребность въ достойныхъ кандидатахъ на епископскія кафедры была тогда особенно настоятельная. И вотъ составился планъ посвятить друзей въ епископскій санъ, не смотря на ихъ молодость (Златоусту было, вѣроятно, не болѣе 27 л.) и хотя бы даже противъ ихъ желанія. Узнавъ объ

¹⁾ [См. Церковный чтець въ глубокой древности—брошюра проф. А. П. Лебедева (Москва 1901) въ оттискѣ изъ 45 и 46 №№ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» за 1901 г.]

Св. Іоаннъ Златоустъ, архієпископъ константинопольскій.

этомъ замыслѣ, друзья рѣшили дѣйствовать сообща. Но Златоустъ, уклонившись изъ смиренія отъ столь высокаго сана, не только не предупредилъ объ этомъ друга, но еще самъ содѣйствовалъ посвященію его во епископа (Василій былъ поставленъ епископомъ, вѣроятно, въ Рафанѣ, и принималъ участіе во второмъ вселенскомъ соборѣ 381 г.). Василій былъ крайне смущенъ такимъ поступкомъ друга и горестно упрекалъ его за измѣну. Какъ бы въ отвѣтъ на эти упреки, Златоустъ написалъ свой знаменитый трактатъ «Шестъ словъ о священствѣ» — поистинѣ классическій трудъ по пастырскому богословію. Здѣсь онъ оправдываетъ свой образъ дѣйствій въ виду высокихъ достоинствъ Василія и своихъ собственныхъ немощей и раскрываетъ высоту, трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія, отмѣчая при этомъ качества, необходимыя для достойнаго прохожденія этого служенія, и указывая, какъ современная ему дѣйствительность была далека отъ идеала. Уклонившись отъ епископства, Златоустъ удалился въ одинъ изъ монастырей въ горныхъ окрестностяхъ Антиохіи. Здѣсь онъ прожилъ подъ руководствомъ одного старца четыре года (375—378 г.), занимаясь изученіемъ слова Божія, молитвой, ручнымъ трудомъ и разными аскетическими подвигами. Въ это время онъ написалъ въ защиту монашества, которое подвергалось гоненію со стороны арианствующаго императора Валента, три книги: «Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни», и небольшое разсужденіе: «Сравненіе власти, богатства и преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни». Эти творенія запечатлѣны особенной любовью автора къ отшельничеству и для монашества имѣютъ почти такое же классическое значеніе, какъ «слова о священствѣ» для пастырства. Не довольствуясь пребываніемъ въ общежительномъ монастырѣ, Златоустъ удаляется въ одну пещеру, гдѣ въ полномъ уединеніи предается самой строгой подвижнической жизни въ теченіе двухъ лѣтъ, пока разстроенное здоровье не принудило его возвратиться въ Антиохію. Здѣсь въ началѣ 381 г., — стало быть, уже тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, — онъ смиренно принимаетъ отъ святи-теля Мелетія посвященіе въ діакопскій санъ.

На обязанности діакона въ то время, — кромѣ прислуживанія въ церкви и исполненія разныхъ порученій епископа, — лежали еще заботы по дѣламъ церковной благотворительности. Златоустъ начинаетъ съ того, что отказывается отъ своего имѣнія въ пользу бѣдныхъ. Въ своей новой дѣятельности онъ обнаруживаетъ живѣйшую отзывчивость на людское горе и самоотверженную заботливость объ облегченіи участи несчастныхъ. Отсюда собственно и начинается его громадная популярность въ Антиохіи. Будучи діакономъ, Златоустъ не говорилъ проповѣдей, но по просьбѣ друзей и въ цѣляхъ утѣшенія и назиданія нѣкоторыхъ знакомыхъ онъ написалъ нѣсколько произведеній, а именно: «Къ Стагирію подвижнику» (3 слова), «Книгу о дѣвствѣхъ», «Къ молодой вдовѣ» (2 слова), «Книгу о св. Вавилѣ и противъ Юліана и язычниковъ». Вѣроятно, въ это время (а можетъ быть даже и раньше) было составлено имъ для домашняго употребленія общее обзорѣніе содержанія каноническихъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъа (кромѣ 4 соборныхъ посланій и Апокалипсиса) и частное обзорѣніе Пятюнкія, Исуса Навина, Судей, Руои, 4 книгъ Царствъ, Іова, 4 большихъ и 7 малыхъ пророковъ. Тогда же, вѣроятно, была составлена и сохранившаяся на греческомъ языкѣ первая половина толкованія на пророка Исаяю (до 11 ст. VIII-й главы), а равно были опубликованы и отмѣченныя уже «слова о священствѣ», ходившія доселѣ только въ кругу ближайшихъ друзей автора. Діакономъ Златоустъ прослужилъ пять лѣтъ. Въ 386 г., т. е. тридцати девяти лѣтъ, онъ былъ посвященъ новымъ антиохійскимъ епископомъ Флавіаномъ въ санъ пресвитера. Въ виду особенныхъ ораторскихъ дарованій Златоуста, на него главнѣйшимъ образомъ было возложено проповѣданіе слова Божія. Съ неутомимою энергіей отдался онъ этому высокому дѣлу, — и съ кафедры главнаго антиохійскаго храма многоводною рѣкою полилось его вдохновенное слово, запечатлѣнное поистинѣ апостольскимъ духомъ и силой. Народъ громадными толпами стекался послушать златоустаго учителя, который то разъяснялъ передъ нимъ смыслъ Св. Писанія, то преподавалъ ему наставленіе въ истинахъ христіанской жизни и обличалъ его пороки и суевѣрія; то

прославлялъ въ праздники благодѣ Божію, явленную въ воспоминаемыхъ событіяхъ божественнаго домостроительства о чловѣкѣ; то восхвалялъ память почившихъ угодниковъ Божіихъ; то, наконецъ, защищалъ истины вѣры противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, которыхъ было такъ много среди двухсотъ-тысячнаго разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія Антиохіи. Проповѣди Златоуста имѣли такой захватывающій интересъ, такъ глубоко потрясали сердца слушателей, что очень часто вызывали у нихъ то стоны рыдаій, то бурные взрывы восторженныхъ рукоплесканій, хотя онъ неоднократно разъяснялъ неумѣстность послѣднихъ въ церкви. Одно событіе изъ жизни Антиохіи особенно ярко обнаружило великую ревность Златоуста о благѣ своей паствы и его безпримѣрный проповѣдническій геній. Въ 388 г. передъ великимъ постомъ въ Антиохію, по поводу новаго военного налога, вспыхнуло возстаніе, во время котораго неистовствующая толпа подвергла поруганію статуи императора Θεодосія, его покойной жены Флациллы и другихъ членовъ императорскаго дома. За это жителямъ Антиохіи грозило поголовное избіеніе или продажа въ рабство, а самому городу полное опустошеніе и превращеніе въ распаханное поле. Всѣ были въ смятеніи и отчаяніи. Престарѣлый епископъ Флаціанъ отправился въ Константинополь ходатайствовать передъ императоромъ. Успѣвшіе уже прибыть въ Антиохію императорскіе уполномоченные производили строжайшее разслѣдованіе дѣла и чинили суровую расправу надъ виновниками мятежа. Въ это-то время всеобщаго страшнаго томленія и унынія, послѣ недѣльнаго молчанія (можетъ быть, съ дѣлію углубить въ сознаніи народа религиозное значеніе переживаемаго момента) Златоустъ произносить дѣлйй рядъ блестящихъ проповѣдей, проникнутыхъ состраждущей, утѣшающей и назидающей любовію. Это его знаменитыя «бесѣды о статуяхъ». Со всею яркостію онъ показываетъ здѣсь необходимость, высоту и незаменимость христіанскаго возрѣнія на жизнь, при которомъ даже и такіа бѣдствія, какъ постигшее Антиохію, не только не страшны, но еще полезны, какъ пробуждающія христіанина отъ безпечности къ бодрствованію и т. обр. содѣйствующія его вѣчному спасенію, въ сравненіи съ кото-

рымъ все блага міра и даже самая жизнь—ничто. Объ этомъ-то спасеніи прежде всего и надлежитъ заботиться, очищаясь отъ грѣховъ и укрѣпляясь въ добродѣтеляхъ; въ переживаемый Антиохіею моментъ это тѣмъ болѣе настоятельно, что жизнь каждаго находится въ опасности, а грѣхи всѣхъ велики: спасеніе и временное и вѣчное можетъ быть только дѣломъ одного милосердія Божія, достойными котораго и надлежитъ явить себя черезъ рѣшительное исправленіе своей жизни и всецѣлую преданность волѣ Божіей. Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ тезисы; обстоятельнѣйшее и глубоко-назидательнѣйшее раскрытіе ихъ въ «бесѣдахъ о статуяхъ» производится Златоустомъ примѣнительно къ религиозно-нравственному состоянію антиохійскаго народа и подъ непосредственно-свѣжимъ впечатлѣніемъ столь глубоко потрясшаго Антиохію бѣдствія, которое и воспроизводится здѣсь во всѣхъ стадіяхъ развитія, со всеми ужасами и надеждами. Въ послѣдней (21-й) бесѣдѣ, произнесенной на Пасху, изображается радость по случаю возвращенія въ Антиохію Флавіана съ вѣстію о помилованіи и приводится дословно ходатайственная рѣчь его передъ императоромъ, которая,—по общепринятому мнѣнію,—составлена самимъ Златоустомъ и принадлежитъ къ совершеннѣйшимъ его созданіямъ.

Время пресвитерства Златоуста въ Антиохіи (486—498 г.) было и плодотворнѣйшимъ періодомъ его проповѣднической дѣятельности. Къ этой порѣ относятся его экзегетическія творенія на отдѣльныя книги Св. Писанія—на книгу Бытія, Псалтирь, на Ев. Матвеея, на Ев. Іоанна и на посланія Ап. Павла—къ Римлянамъ, къ Коринтянамъ, Галатамъ, Ефесянамъ, къ Филимону, Титу и Тимошею, а также множество слѣдующихъ его бесѣдъ: бесѣды на отдѣльные тексты и о разныхъ лицахъ и событіяхъ изъ Ветхаго и Новаго Завета (объ Іовѣ, объ Аннѣ и Самуилѣ, о Давидѣ и Саулѣ, о Маккавейяхъ, о Лазарѣ, объ Ап. Павлѣ и пр.); бесѣды на праздники (Рождества Христова, Крещенія, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Воздвиженія креста и др.); бесѣды въ похвалу святыхъ, гл. обр., изъ исторіи антиохійской церкви (Игнатія Богоносца, Филогона, Евстаоія, Мелетія и мн. др.); бесѣды объ отдѣльныхъ пунктахъ христіан-

скаго вѣроученія и жизни (о діаволѣ, о покаяніи и пр.) и на разные случаи текущей дѣйствительности (кромѣ бесѣды о статуяхъ—бесѣда по рукоположеніи во пресвитера, бесѣда послѣ землетрясенія и др.), и, наконецъ, бесѣды полемическаго характера (противъ аномеевъ, іудеевъ и язычниковъ).

Въ 397 г. умеръ константинопольскій архіепископъ Нектарій. Императоръ Аркадій, подъ влияніемъ своего камергера евнуха Евтропія, изъявилъ желаніе видѣть на столичной кафедрѣ Златоуста, имѣвшаго громкую славу далеко за предѣлами Антохіи. Въ предупреденіе отказа съ его стороны и противодѣйствія со стороны жителей Антохіи, которые, конечно, не согласились бы добровольно разстаться съ любимымъ пастыремъ, Златоустъ былъ хитростію вызванъ въ городъ и оттуда тайно доставленъ въ Константинополь; а 26 февр. 398 г. произошло и самое рукоположеніе его въ санъ константинопольскаго архіепископа. Новое положеніе Златоуста насколько было высоко и почетно, настолько же многотрудно и отвѣтственно. Религіозно-нравственная жизнь константинопольской церкви представляла много аномалій, и не въ духѣ Златоуста было закрывать на нихъ глаза. Главнымъ орудіемъ его пастырской дѣятельности попрежнему остается проповѣдь. Съ цѣлію поднять нравственный уровень клира онъ,—по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ своего архипастырскаго служенія, — произноситъ два слова противъ вопедшаго въ обычай сожительства духовныхъ лицъ съ дѣвственницами. Въ связи съ этимъ онъ заботится о благоустроеніи женскихъ монастырей, очищая ихъ отъ недостойныхъ членовъ и привлекая въ нихъ лицъ дѣйствительно монашеской настроенности. Не могъ онъ также не обратить вниманія на соблазнительныя религіозныя процессіи аріанъ съ громкимъ пѣніемъ еретическихъ гимновъ. Въ противовѣсъ имъ Златоустъ организовалъ подобныя же процессіи православныхъ и ввелъ антифонное пѣніе за всенощнымъ бдѣніемъ. Снисходя къ немощамъ своихъ пасомыхъ, онъ сократилъ для нихъ чинъ литургіи, которая въ этой редакціи и извѣстна подъ его именемъ (см. ниже). Заботы о призрѣніи больныхъ и бѣдныхъ и теперь были особенно близки любвеобильной душѣ Зла-

тоуста. Ведя самый простой образъ жизни, онъ всѣ сбереженія отъ доходовъ своей архіепископской кафедрѣ жертвовалъ на благоустроеніе прежнихъ и учрежденіе новыхъ богоугодныхъ заведеній, число которыхъ при немъ значительно умножилось. На это дѣло благотворенія онъ употреблялъ и остатки отъ церковныхъ доходовъ, сокращая по возможности издержки и на самое содержаніе церкви. Съ особенною настойчивостію онъ взываетъ въ своихъ проповѣдяхъ къ частной благотворительности, со всею задушевностію восхваляя милостыню, какъ величайшую добродѣтель, и со всею безпощадностію порицая роскошь, алчность и суетность, которыми такъ глубоко были заражены высшіе классы столицы. И этотъ призывъ его къ дѣламъ милосердія не былъ безуспѣшенъ: нашлось немало богатыхъ людей, особенно вдовъ, которые жертвовали въ пользу бѣдныхъ все свое состояніе. Призрѣвая больныхъ и бѣдныхъ, Златоустъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и безобязаннымъ защитникомъ обиженныхъ и угнетенныхъ, какъ бы высоко ни стояли и какъ бы грозны ни были притѣснители. Съ необычайною энергіей онъ отстаивалъ и привилегіи церкви. Только благодаря ему, потерпѣло полную неудачу горделивое притязаніе готскаго военачальника Ганно имѣть аріанскую церковь въ самомъ Константинополѣ. Со всею рѣшительностію защищалъ Златоустъ отъ евнуха Евтропія и право церковнаго убѣжища. Надменный временщикъ добился таки отъ императора отмены этого права, которое было ему большою помѣхой для преслѣдованія своихъ враговъ. Но, вслѣдствіе превратности судьбы, онъ самъ принужденъ былъ искать у церковнаго престола защиты отъ разъяренной толпы и войска. Златоустъ оказалъ ему покровительство и въ блестящей проповѣди «на Евтропія евнуха» самими яркими красками изобразилъ всю суетность чловѣческихъ желаній, непрочность земной славы. Съ самаго начала своего архипастырскаго служенія Златоустъ обнаруживаетъ и миссіонерскую ревность. Онъ заботится о распространеніи православія среди готовъ, которыхъ немало служило въ греческомъ войскѣ. Такъ какъ они не понимали погречески, то Златоустъ предоставляетъ имъ возможность совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, посвящая для

этого священниковъ изъ ихъ же среды. Онъ самъ иногда посѣщаль готскую церковь и черезъ посредство переводчика произносилъ тамъ проповѣди. А для распространенія христіанства въ ихъ странѣ онъ отправляетъ туда миссію во главѣ съ ихъ соплеменникомъ Унилой, котораго посвятить даже въ санъ епископа. Были отправлены Златоустомъ миссіонеры еще къ скивамъ, жившимъ по берегамъ Дуная и дальше на сѣверо-востокъ, въ предѣлахъ теперешней Россіи. Заботился онъ также и о просвѣщеніи Финикій, которая представляла одинъ изъ главныхъ оплотовъ тогдашняго язычества. Пастырская ревность Златоуста простиралась и на другія церкви. Такъ, онъ принимаетъ мѣры для подавленія ереси Маркіона на островѣ Кипрѣ, а въ 401 г. предпринимаетъ путешествіе въ Малую Азію для благоустроенія тамошней церковной жизни. Разнаго рода злоупотребленія во многихъ малоазійскихъ церквяхъ были такъ велики, что Златоусту пришлось прибѣгнуть даже къ низложенію нѣсколькихъ епископовъ.

Такою истинно пастырскою дѣятельностію Златоустъ нажилъ себѣ много враговъ. Привыкшее къ распущенной жизни, духовенство было недовольно имъ за его строгія обличенія и взысканія. Кромѣ того, оно тяготилось установленными имъ ночными антифонными служеніями и было раздражено его совѣтомъ богатымъ благотворителямъ, чтобы тѣ съ особенною осмотрительностію выбирали изъ духовныхъ лицъ посредниковъ для раздачи милостыни, а лучше всего занимались бы этимъ дѣломъ сами лично. Высшіе классы столичнаго населенія тоже не были довольны архіепископомъ, который чуждался ихъ пиршествъ и у себя не дѣлалъ для нихъ торжественныхъ приемовъ и роскошныхъ угощеній, а напротивъ не щадилъ красокъ на изображеніе всей пустоты ихъ жизни и всецѣло стоялъ на сторожѣ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Особенно были озлоблены на Златоуста дамы высшаго общества, которыхъ онъ безпощадно бичевалъ въ своихъ проповѣдяхъ за пристрастіе къ роскошнымъ нарядамъ и вообще за суетность. А за спиной этихъ дамъ стояла сама императрица—капризная, тщеславная и жадная Евдоксія, которая послѣ паденія Евтропія имѣла рѣшающее вліяніе на управленіе государствомъ. На первыхъ порахъ она, по-

видимому, благоволила къ Златоусту, да и онъ съ восторгомъ восхвалялъ благочестіе императрицы, подкупленный ея наружно-смирненнымъ участіемъ въ торжественной процессіи перенесенія мощей мучениковъ, которую онъ устроилъ послѣ одного ужаснаго землетрясенія въ Константинополѣ. Но Евдоксія, конечно, не могла не сознавать, что направленные противъ свѣтскихъ женщинъ обличенія Златоуста относятся и къ ея особѣ,—и уже одно это страшно уязвляло ея привыкшее къ подобострастной леститщеславіе; а тутъ еще и придворныя дамы всячески старались вооружить ее противъ ненавистнаго имъ пастыря. Недовольны Златоустомъ были также и нѣкоторые епископы: одни изъ нихъ завидовали ему и, можетъ быть, въ тайнѣ мечтали занять его мѣсто (Северіанъ гавальскій), другіе—какъ лица, потерпѣвшія отъ его нелицепріятнаго правосудія; были между ними даже и такіе, которые въ оказанномъ имъ Златоустомъ простомъ приемѣ и незатѣйливомъ угощеніи видѣли для себя тяжкое личное оскорбленіе (Акакій верійскій). Таковы были враждебные Златоусту элементы. Ими-то и воспользовался заклятый его врагъ александрійскій патріархъ Теофилъ. Вся вина Златоуста по отношенію къ этому надменному іерарху, повидимому, заключалась въ томъ, что его поставленіе во архіепископа константинопольскаго, которое къ тому же принужденъ былъ совершить самъ Теофилъ, разрушило честолюбивые планы послѣдняго—если не самому лично, то хотя черезъ своего покорнаго ставленника распоряжаться каедрю столицы. Теофилъ ждалъ только удобнаго случая излить на Златоуста свою затаенную злобу. И такой случай вскорѣ представился. Преслѣдуемые Теофиломъ за мнимый орigenизмъ монахи Нитрійской пустыни (четыре т. наз. «длинные брата») прибыли въ Константинополь просить Златоуста о защитѣ. Тотъ съ участіемъ отнесся къ ихъ положенію и со всею почтительностію письменно ходатайствовалъ за нихъ передъ Теофиломъ. Но послѣдній прислалъ Златоусту оскорбительный отвѣтъ, рѣзко порицая его за вмѣшательство въ дѣла чужой епархіи. Той порой монахи обратились къ самому императору. Предъявленные ими обвиненія противъ Теофила были столь тяжки, что сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ его въ Констан-

тинополь на судъ. Это былъ моментъ, когда Златоустъ могъ бы нанести своему противнику рѣшительный ударъ, однако онъ уклонился отъ засѣданія въ судѣ надъ нимъ. А Теофилъ между тѣмъ дѣйствовалъ противъ него со всею злобой и ловкостью опытнаго интригана. Онъ возвелъ на Златоуста обвиненіе въ оригенизмъ и такъ этимъ подѣйствовалъ на Епифанія кипрскаго, что тотъ счелъ нужнымъ лично явиться въ Константинополь для защиты православія отъ грозящей опасности. Правда, Теофилъ не достигъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидалъ отъ простосердечной ревности кипрскаго святителя, но положеніе дѣлъ въ столицѣ и безъ того было чрезвычайно благоприятно для дальнѣйшаго развитія его интриги. Могушественною союзницей Теофила явилась императрица; она въ это время была особенно озлоблена на Златоуста за его безбоязненную защиту интересовъ одной вдовы, виноградиномъ которой она пыталась было овладѣть. Произнесенная тогда же Златоустомъ бесѣда объ Иліѣ и Іезавели привели эту византійскую Іезавель прямо таки въ неистовство. Евдоксія отправила письмо Теофилу, торопя его явиться въ Константинополь низложить Златоуста и обѣщая ему всяческую поддержку. Теофилъ немедленно отправляется въ столицу и вмѣстѣ съ захваченными имъ съ собой 23-мя египетскими епископами и нѣсколькими малоарійскими открываетъ въ предмѣстьѣ Халкидона, извѣстномъ подъ названіемъ «При Дубѣ», соборъ для суда надъ Златоустомъ (въ 403 г.)¹⁾. На вызовъ этого собора лично явиться для защиты отъ обвиненій Златоустъ, конечно, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, а соборъ изъ сорока преданныхъ ему епископовъ выразилъ протестъ противъ незаконности образа дѣйствій Теофила и его единомышленниковъ. Тѣмъ не менѣе это сонмище завѣдомыхъ враговъ Златоуста, на основаніи вымышленныхъ обвиненій и клеветъ разнаго рода проходимцевъ, приговорило его къ низложенію, а слабохарактерный Аркадій, по настоянію Евдоксін, утвер-

дил этотъ вопіюще-несправедливый приговоръ. Во избѣжаніе народнаго смятенія и кровопролитія Златоустъ добровольно отдался въ руки чиновниковъ и былъ отведенъ въ Пренеть, близъ Никомидіи. Народъ, узнавъ о происшедшемъ, пришелъ въ страшное волненіе: Теофилъ, навѣрное, былъ бы побитъ камнями, еслибы не успѣлъ заблаговременно выѣхать тайно изъ столицы. Въ это же время произошло землетрясеніе, съ особенною силой потрясшее покои императрицы. Обезумѣвшая отъ ужаса, Евдоксія бросилась къ императору съ просьбой немедленно отменить приказъ о ссылкѣ Златоуста и сама написала ему письмо, слезно умоляя его тотчасъ же возвратиться въ Константинополь и всячески извиняясь въ причиненныхъ ему горестяхъ. Златоустъ съ триумфомъ вернулся въ столицу и по настоятельнѣйшему требованію народа непосредственно приступилъ къ своему архипастырскому служенію. Вскорѣ новый соборъ изъ 65 епископовъ торжественно призналъ его невинность въ возведенныхъ обвиненіяхъ и полную незаконность придубскаго собора. Но миръ продолжался недолго. Послѣдовавшее скорѣ открытіе близъ церкви св. Софійи колонны въ честь императрицы, — кромѣ того, что было обставлено разнаго рода языческими перемонями, — сопровождалось чересчуръ ужъ необузданнымъ веселіемъ толпы. Шумъ и крики въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣшали богослуженію, и Златоустъ напрасно обращалъ на это вниманіе префекта. Тогда онъ въ справедливомъ негодованіи произнесъ рѣзкую обличительную рѣчь, которая начиналась знаменитыми словами: «Опять бѣснуется Иродіады, опять мятется, опять рукоумещетъ и пляшетъ, опять главы Іоанновой ищетъ». Евдоксія, достигшая именно теперь наибольшаго могущества и наивысшихъ почестей, не могла стерпѣть такого обличенія и рѣшила вторично низложить Златоуста. Увѣдомленный объ этомъ Теофилъ, опасаясь лично явиться въ Константинополь, послалъ туда своихъ уполномоченныхъ. Подъ предводительствомъ Северіана и Акакія опять собралась жалкая шайка враговъ Златоуста и, разумѣется, произнесла надъ нимъ вторичное осужденіе, которое и было утверждено императоромъ. Передъ пасхой 404 г. Златоустъ получилъ приказъ оставить церковь;

¹⁾ [Объ этомъ «соборѣ при Дубѣ» см. спеціальнѣйшій трактатъ проф. *А. П. Лебедева* въ Собраніи его церковно-историческихъ сочиненій, т. IX (Москва 1900), стр. 152—182, гдѣ изображается тяжкое «испытаніе въ жизни св. Іоанна Златоуста».]

а въ день самаго праздника въ храмъ, гдѣ онъ уже готовился совершить крещеніе надъ 3.000 оглашенныхъ, ворвался отрядъ солдатъ и произвелъ здѣсь дикое буйство. Святитель былъ заключенъ въ патриаршемъ домѣ, гдѣ и находился подъ домашнимъ арестомъ около двухъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ настроеніе народа грозило страшнымъ мятежомъ. Чтобы избѣжать кровопролитія, Златоустъ, какъ и въ первый разъ, послѣ трогательнаго прощанія съ своими друзьями тайно отдался въ руки свѣтской власти и былъ отправленъ въ Визинію. Въ это время въ великомъ соборномъ храмѣ вспыхнула страшный пожаръ, истребившій множество лучшихъ зданій столицы. Сторонники Златоуста, заподозрѣнные въ поджогѣ, подверглись ожесточеннѣйшему преслѣдованію, которое продолжалось и при новопоставленномъ архіепископѣ Арсакіѣ, такъ какъ они, вѣрные своему истинному архипастырю, не хотѣли имѣть съ нимъ никакаго общенія. Златоустъ извѣстилъ о своемъ положеніи папу римскаго Иннокентія I, но тотъ при всемъ желаніи ничего не могъ сдѣлать для облегченія его участи. И попытка западнаго императора Гонорія добиться у своего брата созыва вселенскаго собора въ Фессалоникѣ для новаго разслѣдованія дѣла о Златоустѣ тоже не имѣла успѣха. Мѣстомъ ссылки Златоуста была назначена бѣдная заброшенная деревня въ Малой Арменіи Кукузъ, куда онъ и прибылъ, испытывъ въ пути болѣзни, всевозможныя лишенія и издѣвательства своихъ враговъ, гл. обр., епископовъ. Въ этой деревнѣ и затѣмъ въ крѣпости Арабисъ, гдѣ укрывались жители Кукуза отъ набѣговъ исаврійскихъ разбойниковъ, Златоустъ прожилъ около трехъ лѣтъ, занимаясь письменными трудами, заботясь о распространеніи христіанства (въ Финикіи, у готовъ и въ Персіи), переписываясь со многими епископами и монастырями Запада и Востока, утѣшая друзей въ постигшихъ бѣдствіяхъ и самъ утѣшаясь выраженіемъ живѣйшаго сочувствія со всѣхъ концовъ христіанскаго міра. Особенною любовью къ Златоусту обнаруживали антиохійцы: «вся Антиохія въ Кукузѣ», съ завистію говорили враги Златоуста. Онъ все еще былъ страшенъ для нихъ. Для полнаго ихъ торжества нужно было прекратить его оживленныя сношенія съ міромъ, изгнавъ

его въ самый отдаленный и пустынный пунктъ имперіи, а главное—обречь его, изможденнаго болѣзнями, на такое путешествіе, перенести котораго онъ не могъ бы. И они, дѣйствительно, достигли этого. Во время путешествія въ новоназначенное мѣсто заточенія Пиноунтъ, на восточномъ берегу Чернаго моря, путешествія подъ конвоемъ двухъ звѣрско-жестокихъ преторіанцевъ, которые съ неумолимой свирѣдностію исполняли данныя имъ инструкціи, Златоустъ скончался невдалекѣ отъ Команъ, въ Понтѣ у склепа св. Василіска, утѣшенный явленіемъ мученика и причастившись св. таинъ (14 сент. 407 г.). Послѣднія его слова были: «Славу Богу за все». Въ 438 г. мощи Златоуста торжественно были перенесены въ Константинополь и погребены близъ алтаря въ церкви Апостоловъ. *Память* Златоуста празднуется *27 и 30 января и 13 ноября*.

Время архіепископства Златоуста было уже гораздо менѣе благоприятно для его литературной дѣятельности: другія заботы отвлекали вниманіе архипастыря. Относящіеся къ этому періоду труды Златоуста по обстоятельности раскрытія предмета и по тщательности отдѣлки вообще значительно уступаютъ болѣе раннимъ его произведеніямъ. Нѣкоторыя изъ проповѣдей этого періода вышли, вѣроятно, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ записаны скорописцами, безъ исправленій и окончательной обработки автора. Сюда, можетъ быть, относятся и нѣкоторыя сомнительныя произведенія Златоуста, время написанія которыхъ опредѣлить нельзя, а стиль представляетъ значительныя особенности (и, конечно, отрицательнаго характера) сравнительно съ его литературными приѣмами. Наиболѣе крупными произведеніями Златоуста этого періода являются его истолковательныя бесѣды на книгу Дѣяній и на посланія Ап. Павла—къ Колоссянамъ, къ Филиппійцамъ, къ Фессалоникійцамъ и къ Евреямъ. Ко времени ссылки принадлежитъ множество (245) писемъ Златоуста къ разнымъ лицамъ, въ высшей степени важныхъ въ биографическомъ отношеніи и, въ частности, проливающихъ особенно яркій свѣтъ на душевное состояніе и заботы великаго святителя въ эту самую тяжелую эпоху его славной жизни. Особенно замѣчательны его 17 писемъ къ діакописѣ Олимпіадѣ. Въ это время было

составлено Златоустомъ въ утѣшеніе своимъ страждущимъ приверженцамъ «Слово къ тѣмъ, которые соблазняются происшедшими несчастіями»... Тогда же, вѣроятно, была имъ составлена и вторая часть толкованія на книгу пр. Ісаіи (отъ 11-го ст. VIII гл.), дошедшая до насъ только въ армянскомъ переводѣ.

Златоустъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ толкователей Св. Писанія. Какъ экзегетъ, онъ примыкаетъ къ антиохійской школѣ, являясь самымъ блистательнымъ ея представителемъ. Извѣстно, что антиохійская школа,—въ противоположность аллегорическо-мистическому толкованію александрійской школы,—на правый планъ выдвигала буквальный, историко-грамматическій смыслъ Св. Писанія. Таковъ и методъ Златоуста. Св. Писаніе понимается имъ въ историческомъ освѣщеніи: прежде чѣмъ приступить къ толкованію самаго текста какой-либо свящ. книги, онъ обыкновенно предпосылаетъ введеніе, гдѣ даются свѣдѣнія объ авторѣ книги, а также о времени, мѣстѣ, причинѣ и цѣли ея написанія; да и самое раскрытіе свящ. текста сопровождается у него разнаго рода историческими, географическими, археологическими и другими указаніями и разъясненіями, въ большей или меньшей мѣрѣ воспроизводящими ту историческую обстановку, среди которой появилась разсматриваемая книга и въ зависимости отъ которой она отличается извѣстными особенностями. При уясненіи свящ. текста Златоустъ удѣляетъ также большое вниманіе его лексическо-грамматической и логической сторонѣ: онъ старательно отмѣчаетъ различныя оттѣнки понятій, обозначаемыхъ извѣстными словами, формами, оборотами текста, и раскрываетъ смыслъ его, наблюдая логическую связь мыслей контекста и при помощи параллельныхъ мѣстъ. Но, усвоивъ главный принципъ антиохійской школы—тщательное изслѣдованіе буквального смысла Св. Писанія, Златоустъ совершенно чуждъ ея крайняго, рационалистическаго направленія, ближайшимъ выразителемъ коего былъ его товарищъ Феодоръ мопсуестійскій. Послѣдній, какъ извѣстно, не придавалъ значенія церковному авторитету, опредѣляя и самую каноничность свящ. книгъ только изъ внутреннихъ ихъ признаковъ, по собственному усмотрѣнію. Злато-

устъ всегда строго держится почвы церковнаго преданія. Если же въ его обзорѣ книгъ Новаго Завѣта, какъ уже отмѣчено, недостаетъ 4 соборныхъ посланій и Апокалипсиса, то это лишь потому, что книги эти въ его время не вездѣ еще были внесены въ канонъ Св. Писанія. Далѣе, тогда какъ Феодоръ мопсуестійскій съ особеннымъ упорствомъ старается за всѣми мѣстами Св. Писанія удерживать одинъ буквальный, историческій смыслъ, вездѣ выдвигая человѣческой элементъ въ ущербъ божественному, Златоустъ чуждъ и этой крайности, признавая полную законность и аллегорическаго толкованія. Онъ только возстаетъ противъ неумѣстнаго и совершенно произвольнаго навязыванія его свящ. тексту (какъ это наблюдается у Оригена). По Златоусту, въ самомъ Св. Писаніи есть ясныя указанія на то, что въ немъ нужно понимать аллегорически, и на этомъ основаніи объемъ аллегорическаго толкованія долженъ быть ограниченъ только нѣкоторыми (не историческими) мѣстами пророчествъ и притчами. Экзегетическія творенія Златоуста носятъ по преимуществу нравственно-практическій характеръ. Въ особенности въ этомъ отношеніи замѣчательны его толкованія на книгу Бытія, Псалтирь, Ев. Матѳея, посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ, а также многочисленные его бесѣды (гомиліи) на отдѣльные тексты Св. Писанія. Толкованій, приближающихся къ чистому типу комментаріевъ, у Златоуста очень мало (въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется его толкованіе на посланіе Ап. Павла къ Галатамъ). Златоустъ не любитъ долго останавливаться на догматической сторонѣ уясняемаго текста. Установивъ мысль извѣстнаго мѣста, онъ сразу же дѣлаетъ изъ нея нравственно-практическіе выводы, примѣняетъ ее къ жизни, преподаетъ уроки благочестія. Вотъ почему экзегетическія творенія Златоуста представляютъ богатѣйшую сокровищницу гл. обр. нравственнаго назиданія. Толкованія Златоуста на Новый Завѣтъ, въ общемъ, отличаются большимъ совершенствомъ сравнительно съ его толкованіями на Ветхій Завѣтъ. И это прежде всего потому, что при истолкованіи Новаго Завѣта онъ имѣлъ дѣло съ оригинальнымъ греческимъ текстомъ, который для него, какъ глубокаго знатока греческаго языка, былъ доступенъ во всѣхъ тончайшихъ оттѣнкахъ. При изъ-

ясненіи же Вѣтхаго Завѣта ему приходилось | языка, опредѣлить оны не могъ
почти исключительно довольствоваться лишь | уже объ особенно глубокомъ

Святые вселенскіе отцы Церкви: Василій великій, Афанасій великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ (съ картины Васнецова во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ).

переводами, степень точности которыхъ, | тоуствомъ духа Новаго Завѣта, объ особенн
вслѣдствіе недостаточнаго знанія еврейскаго | глубокомъ проникновеніи его въ тайны нов-

завѣтнаго домостроительства, въ міръ ново-завѣтныхъ идей. Съ особенною любовію онъ занимался толкованіемъ посланій Ап. Павла, къ которому относился съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, какъ къ неподражаемому образцу всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Ветхій Завѣтъ Златоустъ толкуетъ по переводу LXX-ти. Но для подтвержденія и установленія правильнаго чтенія библейскаго текста у него не рѣдко приводятся варианты другихъ греческихъ переводовъ и даже дѣлаются ссылки на подлинный еврейскій текстъ. Да и въ толкованіяхъ на Новый Завѣтъ онъ не рѣдко имѣетъ въ виду варианты чтеній св. текста по различнымъ его спискамъ. Правда, цитированіе Златоустомъ еврейскаго подлинника обыкновенно не сопровождается никакими поясненіями, равно какъ и греческіе варианты у него далеко не всегда достаточно-критически использованы, но важно уже то, что онъ сознаетъ безусловную правильность какъ перевода LXX-ти, такъ и той редакціи св. текста, которая положена имъ въ основу толкованій на Новый Завѣтъ, и не только сознаетъ это, но даже намѣчаетъ и истинный путь для установленія правильнаго текста Св. Писанія. Въ этомъ отношеніи творенія Златоуста имѣютъ важное значеніе еще и потому, что употребляемый въ нихъ свящ. текстъ несомнѣнно высокаго достоинства. Не надо забывать, что Златоустъ получилъ богословское образованіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ антиохійской школы, которая издавна была извѣстна своими трудами по исправленію свящ. текста. Питая особенную любовь къ слову Божію и тщательно занимаясь имъ въ теченіе всей жизни, Златоустъ, конечно, могъ располагать лучшими списками Св. Писанія и по матеріальнымъ своимъ средствамъ (на первыхъ порахъ), и, тѣмъ болѣе, по своему положенію въ антиохійской и константинопольской церкви (въ послѣдующее время). Нелишне также замѣтить, что въ твореніяхъ Златоуста свящ. текста приводится очень много и что древность его довольно почтенна: отъ IV в. мы имѣемъ лишь два кодекса, да и тѣ съ весьма значительными пробѣлами. Въ заключеніе отмѣтимъ, что Златоустовскій текстъ Св. Писанія особенно важное значеніе имѣетъ для давно уже назрѣвашаго исправленія церковно-славянскаго перевода Библии, такъ какъ

послѣдній въ древнѣйшемъ своемъ видѣ сдѣланъ изъ списковъ той редакціи Св. Писанія, которая была употребительна въ Антиохіи и Константинополѣ (т. н. Лукіановская редакція), т. е. какъ разъ въ мѣстахъ служенія Златоуста.

Твореній съ преобладающимъ догматическимъ характеромъ у Златоуста немного. Къ умозрительно-догматическимъ разсужденіямъ онъ обращается, гл. обр., въ своей полемикѣ съ разнаго рода еретиками (Аполлинаріемъ, аномеями, манихеями, монтанистами, гностиками и др.). Къ этому онъ въ нуждался самымъ характеромъ ересей, съ которыми ему приходилось бороться. Да и тутъ онъ часто подчеркиваетъ ограниченность человѣческаго разума, порицаетъ излишнюю его пытливость и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ перейти къ разъясненію нравственно-практическаго значенія того или другаго догмата. Въ догматикѣ, какъ и въ экзегетикѣ, Златоустъ стоитъ на почвѣ строгаго православія и чуждъ одно-стороннихъ увлеченій: обвиненіе Златоуста въ оригенизмъ вызвано лишь злобою его враговъ, а ссылка на него пелагианъ объясняется неправильнымъ пониманіемъ ими нѣкоторыхъ выраженій Златоуста, вслѣдствіе разсмотрѣнія ихъ внѣ всякой связи съ цѣлостнымъ его мировоззрѣніемъ.

Какъ уже показано, преимущественное вниманіе Златоустъ обращаетъ на нравственную сторону христіанскаго вѣроученія. Онъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ учителей нравственности. Здѣсь отмѣтимъ только основной, средоточный пунктъ нравственнаго мировоззрѣнія Златоуста—его ученіе о любви, какъ совершеннѣйшемъ и всеобъемлющемъ принципѣ религіозной жизни, частнѣе: о любви Божіей къ намъ и о нашей любви къ Богу и ближнимъ. Златоустъ съ особеннымъ одушевленіемъ, настойчивостію и подробностію изображаетъ неизреченную любовь, безмѣрную благодать Божію къ людямъ, какъ она выразилась въ дѣлахъ божественнаго творенія и промышленности и во всемъ домостроительствѣ Божіемъ о спасеніи человѣка, особенно же въ искупительной смерти Единороднаго Сына Божія и соединенныхъ съ нею великихъ благодатныхъ дарахъ и обѣтованійхъ (Бес. на 41 и 144 псал.; 7, 8 и 34 бес. на Быт.). Всѣ отношенія Бога къ людямъ, по Златоусту,

запечатлѣны безпредѣльною любовію къ нимъ: ее онъ усматриваетъ и въ судѣ Божіемъ надъ Адамомъ (9 бес. на Быт.), и въ приспособленіи вѣтхозавѣтнаго откровенія и закона къ младенчески-чувственному представленію людей и къ ихъ грубому нравственному состоянію (3 бес. къ Титу, 3 бес. на Иоан., 18 бес. на Мѡ.), и въ бѣдствіяхъ праведниковъ, и въ наказаніяхъ грѣшниковъ (26 бес. на Быт., 3 бес. къ Филимону), и даже въ ученіи о вѣчныхъ мукахъ (Бес. на 144 пс., ст. 3). Но всего болѣе Златоустъ неистощимъ въ изображеніи долготерпѣнія Божія къ согрѣшающимъ и безпредѣльнаго милосердія Божія къ кающимся (особенно 8 бес. о покаяніи, а также извѣстное Слово на Пасху). Изъ живѣйшаго сознанія безмѣрной любви Божіей къ намъ, естественно, должна воспламениться и съ нашей стороны сильнѣйшая любовь къ Богу (Бес. на 41 пс., 34 бес. на Быт., 2 бес. къ Филимону). Но какъ бы ни была сильна наша любовь къ Богу, ея обнаруженія будутъ только выраженіемъ нашей признательности, благодарности Богу, «составляютъ уже нѣкую уплату и долгъ», между тѣмъ проявленіе къ намъ любви божественной, какъ первичной, безусловной и безпредѣльной, «есть даръ и благодѣяніе, и великая милость» (34 бес. на Быт.). Люди, пламенно любящіе Бога, живутъ уже исключительно для Бога и въ общеніи съ Нимъ испытываютъ высочайшее блаженство. Они чужды привязанности къ мірскимъ благамъ и не только свободны отъ страха какихъ угодно бѣдствій, но даже «будутъ считать себя счастливѣе самихъ царей, находя нѣкое дивное услажденіе среди всѣхъ своихъ страданій въ томъ, что они терпятъ ихъ для своего Возлюбленнаго» (Бес. на 41 псал.). Истинная любовь къ Богу должна быть смиренною, безраздѣльною и самоотверженною. Степеню этой любви должно обуславливаться значеніе каждаго момента религіозной жизни человѣка. Вотъ почему у Златоуста чрезвычайную важность имѣетъ молитва, какъ «бесѣда съ Богомъ» (30 бес. на Быт.), какъ непосредственное общеніе съ Нимъ, исполненное упованія на любовь Божію и самопреданной любви къ Богу, какъ «союзъ любви съ Богомъ» (Бес. на 4 псал.). Изъ любви къ Богу должны вытекать и всѣ обязанности христіанина и—

прежде всего—любовь къ ближнимъ. Если мы любимъ Бога, то, естественно, должны любить и тѣхъ, кого Онъ любитъ. «Итакъ будемъ любить другъ друга, чтобы такимъ образомъ изъяснить любовь къ любящему насъ Богу» (23 бес. къ Римл.). И основаніемъ и образцомъ нашей любви къ ближнимъ долженъ быть Христосъ (60 бес. на Мѡ., 15 бес. на Иоан.). Въ лицѣ ближнихъ мы любимъ самого Христа (15 бес. къ Римл.). Въ подражаніе Ему мы должны прежде всего заботиться о спасеніи ближнихъ (4 бес. о перем. им.), а также объ облегченіи ихъ участи черезъ благотвореніе, милостыню, о которой, какъ о величайшей добродѣтели—«царицѣ добродѣтелей», Златоустъ говоритъ и въ нарочитыхъ словахъ и почти въ каждомъ изъ своихъ твореній. По примѣру Христа, мы должны любить и своихъ враговъ (Бес. о крестѣ и разбойникѣ). Намѣченное нами ученіе Златоуста о любви Божіей къ намъ и о нашей любви къ Богу и ближнимъ—этой «матери всѣхъ благъ и совершителницѣ всякой добродѣтели» (23 бес. къ Римл.), составляя душу его нравственного міровоззрѣнія, сообщаетъ послѣднему особенно возвышенными и задушевно-теплымъ характеръ. Между св. отцами и учителями церкви Златоустъ по преимуществу есть учитель любви.

Златоустъ, по всеобщему приговору, znamenitѣйшій церковный ораторъ. Отмѣтимъ въкратцѣ тѣ выдающіяся свойства его личнаго характера и ораторскаго дарованія, въ которыхъ гл. обр. дежитъ тайна необычайной дѣятельности его слова. Проповѣди Златоуста проникнуты духомъ живѣйшей любви проповѣдника къ своей паствѣ. Не рѣдко эта любовь выливается у него въ формѣ необычайно трогательной по своей задушевной нѣжности. Вотъ, напр., образчики: «Когда малаго ребенка отрываютъ отъ груди матери или уносятъ его, онъ вертится и оглядывается, ища ея; такъ когда и я былъ оторванъ изъ среды васъ, какъ отъ груди материнской, всѣ мои мысли устремляли меня къ этому священному собранію» (Бес. къ Галат. 2, 11). «Для меня нѣтъ ничего дороже васъ, не дороже даже самый свѣтъ. Тысячу разъ я бы лишился зрѣнія, еслибы только чрезъ это можно было обратить ваши души; такъ спасеніе ваше мнѣ дороже самаго свѣта» (Бес. 3 на Дѣян. Ап.). «Хотя бы

шестьсотъ разъ бранилъ меня, говорю тебѣ миръ, и не могу сказать тебѣ худого, ибо любовь Отца во мнѣ. Хоть я иногда порицаю тебя, но по заботливости о тебѣ же. Когда ты втайнѣ язвишь меня..., то я боюсь, не умножаешь ли ты скорби моей не тѣмъ что ты бранишь меня..., но тѣмъ, что отвергъ миръ и навлекъ на себя тяжкое наказаніе. Тѣмъ болѣе буду любить васъ, чѣмъ, болѣе любя, менѣе любимъ буду» (Бес. 32 на Мв.). Даже и среди грозныхъ раскатовъ полныхъ негодованія обличеній всегда слышится у Златоуста господствующій тонъ любви. Бурное негодованіе—это только невольный крикъ его глубоко любящаго, а потому и остро болѣющаго за другихъ сердца. Но онъ не можетъ быть долго суровъ: вскорѣ же смягчается, и рѣчь его уже льется въ душу слушателей полная утѣшенія, совѣта, предостереженія, просьбы, мольбы... И паства на любовь проповѣдника отвѣчала любовью. Когда, напр.; Златоустъ для поправленія здоровья на время уѣзжалъ изъ города, къ нему немедленно летѣли многочисленныя письма съ настойчивыми просьбами возвратиться къ своей осиротѣлой паствѣ, и онъ, не будучи въ состояніи противиться этому зову любви, возвращался въ въ городъ, даже и не оправившись отъ болѣзни. При такой тѣснѣйшей нравственной связи Златоуста съ паствою понятны и его прекрасное знаніе добрыхъ и худыхъ сторонъ своихъ слушателей и его живѣйшая отзывчивость на явленія ихъ текущей жизни. Съ другой стороны, также понятно и полное довѣріе паствы къ своему любимому проповѣднику и алчное исканіе у него утѣшенія, назиданія, поддержки. Неустанными заботами о спасеніи пасомыхъ Златоустъ являлъ въ своемъ лицѣ живой примѣръ той любви, которою дышетъ его нравственное ученіе. Но онъ же былъ краснорѣчивымъ образцомъ и другихъ добродѣтелей, которыя такъ сильно желалъ насадить среди своей паствы. Его полная независимость отъ благъ міра сего и аскетическій образъ жизни, котораго онъ не покидалъ даже на архіепископской кафедрѣ столицы; его щедрое благотвореніе бѣднымъ и покровительство угнетеннымъ; его необычайная прямота и мужество, съ какимъ онъ исполнялъ свой пастырскій долгъ, не зря на лицо и всецѣло предаваясь волѣ Божіей, были у всѣхъ

на виду. Отсюда необычайная искренность и авторитетность его слова. Тщательное изученіе Св. Писанія и великій трудъ личнаго нравственнаго совершенствованія открыли Златоусту душу человѣческую во всѣхъ его изгибахъ и указали ему лучшіе приемы для борьбы съ пороками и укрѣпленія въ добродѣтели. Отсюда необычайная проникновенность, убѣдительность его слова. Но, кромѣ мощнаго обаянія святой личности Златоуста, успѣхъ его проповѣднической дѣятельности не въ малой степени зависѣлъ еще и отъ особенностей его огромнѣйшаго таланта. Проповѣдь Златоуста обыкновенно имѣетъ характеръ живой бесѣды, творчески свободно развивающейся въ моментъ самаго произнесенія. Правда, Златоустъ почти всегда предварительно обдумывалъ предметъ проповѣди, но даръ импровизаціи у него былъ такъ великъ, живое вдохновеніе такъ властно, что онъ невольно увлекался потокомъ новыхъ впечатлѣній воспоминаній, мыслей, образовъ. «Можетъ быть, мы очень распространялись въ словѣ,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ,—но это не по своей волѣ, а такъ сказать увлеченные самимъ теченіемъ рѣчи, какъ бы какимъ-либо сильнѣйшимъ потокомъ» (4 бес. на Быт.). И подобнаго рода признаній у него не мало. Благодаря такой живой непосредственности своей проповѣди, Златоустъ могъ въ каждый моментъ приспособить ее къ наличному состоянію слушателей и использовать для цѣлей назиданія всякое обнаруженіе ихъ настроенія. Этимиъ объясняются у него частыя отклоненія отъ намѣченной темы и чрезвычайное разнообразіе предметовъ въ одной и той же проповѣди; не поговоримъ уже объ отраженіи здѣсь и личнаго настроенія проповѣдника во всемъ разнообразіи его переходовъ и отгѣнковъ. Но эти отклоненія, это разнообразіе содержанія и тона проповѣди изобличаютъ только вдохновенную смѣлость и неистопимую продуктивность даровитаго проповѣдника, позволяющаго себѣ такіе приемы къ чести своего таланта, хотя вопреки требованіямъ искусства метода логическихъ построеній. Златоустъ не столько разсуждаетъ, сколько чувствуетъ, не столько доказываетъ, сколько трогаетъ, плѣняетъ, увлекаетъ. Онъ въ высокой степени обладалъ даромъ поэтическаго представленія, дивно сочетавая въ своемъ творествѣ чрезвычай-

ную яркость и богатство восточной фантазіи съ естественною простотою и опредѣленностію эллинскаго вкуса. Какъ истинный поэтъ, онъ мыслить образами, картинами. Самый излюбленный его способъ убѣжденія—живой примѣръ. Оттого у него такъ много бесѣдъ о добродѣтеляхъ библейскихъ праведниковъ и такъ много похвальныхъ словъ въ честь святителей и мучениковъ. А самый обычный

простота, ясность, точность и опредѣленность сообщаютъ его проповѣдямъ чрезвычайно общедоступный популярный характеръ и притомъ безъ всякаго ущерба какъ для благородства и изящества ихъ стіля, так и для возвышенности ихъ стіля, глубины ихъ содержанія. По удобопонятности Златоустъ не имѣетъ соперниковъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что не толь-

Проповѣдь св. Іоанна Златоуста въ санѣ пресвитера.

у него способъ уясненія отвлеченныхъ истинъ—наглядное сравненіе ихъ съ явленіями изъ жизни природы и, въ особенности, изъ современнаго быта, который, — благодаря этому приему, а также многочисленнымъ прямо изъ жизни выхваченнымъ характеристикамъ, описаніямъ, картинамъ,—отразился въ проповѣдяхъ Златоуста съ особенною полнотою и т. ск. осязательною рельефностію. Поэтическое убранство рѣчи Златоуста, ея

у современниковъ, но и во все послѣдующее время у всѣхъ христіанскихъ народовъ— у насъ, русскихъ, въ особенности ¹⁾—проповѣди, какъ и другія творенія Златоуста, всегда пользовались и пользуются особенною любовью, являясь неисчерпаемымъ источникомъ нравственнаго назиданія и утѣшенія. Онѣ и никогда не утратятъ этого значенія.

¹⁾ См. въ слѣд. статьѣ А. И. Соб. левскаго, стлб. 9-сл.

такъ какъ въ высокой степени обладаютъ тою благодатною «помазанностію», которая есть не что иное, какъ животворящее вѣяніе Духа Божія, открывающагося чрезъ своихъ избранныхъ.

Литература. Изданія (полныя) твореній Златоуста: 1) Савиля (Savile), 8 томовъ, Eton. 1612; 2) Фронтона Дучея (Fronto Duceus), окончен. Р. и С. Morel, 12 томовъ, Paris 1609—1633 и 1636, Frankfurt a. M. 1697—98, Mainz 1702, Frankfurt 1723 (текстъ менѣ исправенъ, чѣмъ у Савиля); 3) Монфокона (бенедиктинское), 13 томовъ, Paris 1718—1738, перепечат. въ Венеціи 1734—1741 и 1780 въ Парижѣ 1734—1739 (попытки предыдущихъ изданій и изъ нихъ болѣе приближается къ Дучееву); 4) Миня, Patr. gr. XLVII—LXIV, Paris 1860 (въ общемъ это есть воспроизведеніе бенедиктинскаго изданія). Въ изданіи Савиля дается только греческій текстъ, а въ остальныхъ еще и латинскій переводъ. Изъ изданій отдѣльных твореній Златоуста лучшія принадлежатъ канонику Фильду—Бесѣды на Ев. Матѣ. (Фильдово изданіе этихъ бесѣдъ воспроизведено и въ изданіи Миня) и на посланія Ап. Павла, Cambridge 1839 и Oxford 1849—1855. [Есть и еще изданія, особенно отдѣльных твореній, а изъ совокупныхъ можно упомянуть, напр., Vagelle'я (съ франц. перев.), Paris 1862—1878, и самое новѣйшее (съ конца XIX в.) Аонисское П. Ав. Τῶν Ἐκκλησιῶν, Α Ὑ Γεωργίου καὶ Χρ. Παυτοῦλης: Τα ἀπαντα Ἰωαννοῦ τοῦ Χρυσόστομου εἰς κειμένην καὶ ἀρχαίαντιχὴν παραφρασίν εἰς τὴν οὐλομένην γλώσσαν. Однако всѣ эти изданія далеко не удовлетворительны, а проф. Хр. Фр. Маттеи († 14 сент. 1811 г.), немало потрудившійся надъ текстальною обработкой нѣкоторыхъ сочиненій Златоустовыхъ, авторитетно свидѣтельствовалъ, что безусловно лучшую рецензію можно сдѣлать по рукописямъ московской Синодальной бібліотеки: см. у А. С. Родосскаго, Въ память 75-лѣтняго юбилея Спб. Духовной Академіи, Спб. 1884 (приложение къ «Христ. Чтенію» за 1884 г.), стр. 131. Такъ, въ Annotationes ad XXXIV. eclogas Chrysostomi ex Codice Augustano по рпк. Спб. Дух. Акад. № 349, стр. 2 Маттеи пишеть: «In Codicibus bibliothecarum Mosquensium SS Synodi, uti ex mea, Lipsiae 1805. 8. edita, notitia discitur, ultra nonaginta Chrysostomi, et in his antiquissimi et praestantissimi Codices servantur, ex quibus a viro harum rerum perito et industrio nova editio eaque multo Montefalconiana accuratior et integrior parari possit». Ср. ego же Novae ex scriptis s. Joannis Chrysostomi eclogae III (Mosque 1808) въ Monitum на стр. 3 (безъ пагинаціи), гдѣ Маттеи отмѣчаетъ «praestantissimos Codices Mosquenses, quorum hic (въ Москвѣ, въ Синод. б.—къ) nonaginta novem sub claustris latent».—Равно и извѣстный † Prof. Paul de Lagarde въ Ankündigung einer neuen Ausgabe der griechischen Uebersetzung des Alten Testaments (Göttingen 1882) рѣшительно заявлялъ о необходимости новаго изданія твореній Златоуста, указывая сиріискія рукописи ихъ въ Британскомъ музеѣ и приводялъ древній перечень Златоустовскихъ гримлій по мюнхенской рпк. gr. 470 (S. 50—57)—*Н. Н. Г.*] Главнѣйшіе

источники, кромѣ собственныхъ твореній Златоуста, слѣдующіе: *Palladius*, Dialogus de vita s. Chrys.; *Socrates*, H. eccl. VI; *Sozom.*, H. eccl. VIII; *Theodoret*, H. eccl. V; *Proclus*, Laudatio s. Johann. Chrys.; *Isidor. Pelus.*, ep. XLII; *Photius*, Biblioth.; *Johannes Damascenus*, Oratio in laud. Chrys. Литература. Біографіи Златоуста написаны—Эразмомъ (Opp. V, 1150), Тилльмономъ (Mém. Eccl. XI, 1—405) и Монфокономъ (Opp. XIII, 91—178). Изъ другихъ иностранныхъ сочиненій о Златоустѣ отмѣтимъ: *A. Neander*, Der hl. Joh. Chrysostomus und die Kirche, besonders des Orients, in dessen Zeit alter, 3 Aufl., Berlin 1848; *Fr. Bohringer*, Johann Chrysostomus (Kirchengesch. in Biogr., 2 Ausg., Bd IX); *J. Lutz*, Chrysostomus und übrigen berühmtesten kirchlichen Redner alter und neuer Zeit, 2 Aufl., Tübing. 1859; *Th. Förster*, Chrysostomus in seinem Verhältniss zur antiochenischen Schule, Gotha 1869; *Roche*, Histoire de s. Jean Chrysostome, patriarche de Constantinople, Paris 1866, 2 vols.; *Aimé Puech*, St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, Paris 1891 (есть и русскій переводъ А. А. Измайлова, Спб. 1897); *P. Albert*, St. Jean Chrysostome considéré comme orateur populaire, Paris 1858; *R. W. Busch*, Life and Times of Chrysostom, London 1885; *F. H. Chase*, Chrysostom: a Study in the History of Biblical Interpretation, London 1887; † *B. Ф. Фарраръ*, Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви, перев. А. П. Лоухина, изд. 2-е, Спб. 1903, т. II-й; [*Seth K. Gifford*, Pauli epistolas qua forma legerit Joannes Chrysostomus, Halis Saxorum 1902 въ «Dissertationes Philologicae Halenses» vol XVI, pars I, а спеціально о св. Златоустѣ, какъ экзегетѣ посланій св. Ап. Павла, см. *C. H. Turner* въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings, Extra Volume (Edinburgh 1904), p. 501 b—506 a; вообще же ср. у Prof. *Albert Ehrhard*, Die altchristliche Literatur . . . seit 1880, S. 137—139. *G. Kopp*, Die Stellung des h. Johannes Chrysostomus zum weltlichen Leben, Münster 1905.] Остальныя изданія, источники и литературу, а также переводы твореній Златоуста (древніе и новыя) см. у Herzog-Hauck, B. IV (Lpzg 1898), S. 101—102, особенно у *Vardenhewer*, Patrologie (Freib. im Br. 1894), S. 325—332. *Hoffmann*, Bibliographisches Lexicon der gesammten Litteratur der Griechen, 2 Ausg., II, 401—429, и *Chevalier*, Répertoire 1178—1180 и 2672. Русскіе переводы твореній Златоуста. Кромѣ многочисленныхъ извлеченій изъ того или другого творенія Златоуста, которыя приводились въ «Христіанскомъ Чтеніи» съ самаго основанія этого журнала (въ 1821 г.), отмѣтимъ слѣдующіе переводы отдѣльныхъ цѣлыхъ его твореній: Бесѣды на 1-е посл. къ Коринѣ., Москва 1806; Спб. 1858 и 1863; Бесѣды на посл. къ Филип., М. 1806 и 1844; Слово о священствѣ, пер. свят. Колоколова, Спб. 1836, пер. свят. Матвѣевскаго, Спб. 1872; Толкованіе на посл. къ Римл., М. 1840 и 1844; Бесѣды на Ев. Матѣ., М. 1840 и 1846; Толкованіе на посл. къ Галат., М. 1844; Бесѣды къ антиохійск. народу, Спб. 1848—50 и 1859; Слова І. Златоуста, Спб. 1850; Толкованіе на 2-е посл. къ Коринѣ., М. 1851; Бесѣды на кн. Бытія, Спб. 1851—53; Бесѣды на Лѣванія, Спб. 1856—57; Бесѣды на посл. къ Ефес., Спб. 1858; Бесѣды на посл. къ Колос., Спб. 1858;

Весѣды на посл. къ Евр., Спб. 1859; Весѣды на посл. къ Тимоо. и Титу, Спб. 1859; Весѣды на псалмы, Спб. 1860; Весѣды на разн. мѣста Св. Пис., Спб. 1861—63; Весѣды на Ев. Іоан., Спб. 1862; Слова и бесѣды на разные случаи, Спб. 1864; Письма къ разнымъ лицамъ, Спб. 1866; Письма къ диакониссѣ Олимпіадѣ, перев. А. А. Бронзова, Спб. 1892; Весѣды на 14 посл. Ап. Павла, М. 1892. Отиѣтимъ здѣсь и Собраніе поученій, избранныхъ изъ твореній св. отца нашего Іоанна Златоуста Ст. Дерабиннымъ, изд. 2-е, т. 1-й М. 1887, т. II-й М. 1889. Въ 1895—1906 г. С.-Петербургскою Духовною Академіей издано первое «Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста въ 12 томахъ» [о немъ ср. и у проф. А. А. Бронзова выше стлб. 103—105]. Русская литература о Златоустѣ: Жизнеописание Іоанна Златоуста въ «Хр. Чт.» 1821 г., IV; *В. И. Лебедевъ*, Жизнь св. Іоанна Златоуста въ «Приб. къ Твор. св. отцовъ» 1855 г. (XIV), 1856 г. (XV), 1857 г. (XVI); *Филаретъ*, архіеп. черниг., Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, т. 2-й, Спб. 1859; *И. М.*, Св. Іоаннъ Златоустъ: очеркъ изъ внутренней исторіи христіанскаго общества въ IV и V вѣкѣ въ «Правосл. Обзор.» 1873 г., августъ и декабрь; архим. *Анатоль*, Жизнь Златоуста, М. 1874. *В. Г.—скій*, Св. Іоаннъ Златоустъ какъ толкователь Св. Пис. въ «Правосл. Обзор.» 1889 г., сентябрь и октябрь; † проф. *И. И. Малышевскій*, Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера въ «Тр. К. Д. Ак.» 1890 г., октябрь, 1891 г., февр. и май, 1892 г., апрѣль, августъ и сентябрь; *А. Раинъ (А. П. Лопухинъ)*, Іоаннъ Златоустъ и семейная жизнь его времени въ «Христ. Чт.» 1895 г., ч. 1-я, 225—248 и 465—504; *Хр. Пападопуло*, Творенія св. Іоанна Златоуста съ филологической стороны въ «Христ. Чт.» 1895 г., ч. 1-я; проф. *А. А. Бронзовъ*, О пасхальномъ «огласительномъ словѣ» св. Іоанна Златоуста въ «Христ. Чт.» 1897 г., ч. 2-я; *В. И. Поповъ*, Ученіе св. Іоанна Златоуста о воспитаніи дѣтей въ «Христ. Чт.» 1897 г., ч. 2-я; † проф. *А. П. Лопухинъ*, Жизнь и труды св. Іоанна Златоуста, архіеписк. константинопольскаго, при «Полномъ собр. твореній св. Іоанна Златоуста», т. I-й, кн. 1-я; проф. *Θ. Г. Елеонскій*, Послѣсловіе къ IV и къ V тт. Полнаго собранія твор. св. Іоанна Златоуста; Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ челолюбія и милостыни въ «Христ. Чт.» 1897 г., 1; *А. И. Лепорскій*, Ученіе св. Іоанна Златоуста о совѣти въ «Христ. Чт.» 1898 г., № 1, 89—102. *М. Григоревскій*, Ученіе св. Іоанна Златоуста о бракѣ, Архангельскъ 1902 [киевская магистерская диссертація, часть которой—въ переделкѣ—печаталась въ «Странникѣ» за 1898 г.].

II. Блгодѣль.

Іоаннъ Златоустъ въ русской письменности.—Трудно найти въ древне-русской литературѣ такой сборникъ поученій, въ которомъ не было бы словъ съ именемъ Златоуста. Само собою разумѣется, лишь немногія изъ обращавшихся въ этой литературѣ произведеній Златоуста принадлежать дѣйствительно знаменитому отцу церкви. Не только слова неизвѣстныхъ и малоизвѣст-

ныхъ южно-славянскихъ и русскихъ авторовъ обыкновенно приписывались Златоусту, но не рѣдко и произведенія такихъ корифеевъ южно-славянской и русской литературы, какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій, Кириллъ туровскій, Серапіонъ владимірскій. Сверхъ того, рядъ поученій извѣстныхъ отцовъ греческой церкви считался въ древне-русской письменности принадлежащимъ перу того же Златоуста.

Но наши предки читали довольно много и такихъ произведеній этого отца церкви, которыя или дѣйствительно ему принадлежатъ, или приписываются ему въ греческой письменности (spuria). Акад. Е. Е. Голубинскій въ I-мъ томѣ своей «Исторіи русской церкви» указываетъ 203 слова Златоуста, существовавшія въ до-монгольской періодъ исторіи русской литературы въ переводѣ съ греческаго на древній церковно-славянскій языкъ. Это число можно бы нѣсколько увеличить, прибавивъ тѣ слова Златоуста, находящіяся въ болѣе или менѣе позднихъ древне-русскихъ сборникахъ, языкъ которыхъ своими особенностями указываетъ на древность перевода. Кромѣ того «Учительное Евангеліе» Константина болгарскаго, извѣстное въ русскомъ спискѣ до-монгольскаго времени, состоитъ главнымъ образомъ изъ словъ Златоуста.

Всѣ слова Златоуста, читавшіяся нашими предками въ X—XIII вв., были переведены на церк.-слав. языкъ не въ Россіи, а на славянскомъ югѣ. Нѣкоторое число ихъ появилось на церк.-слав. языкѣ едва ли не во времена славянскихъ первоучителей, изъ-подъ пера ихъ учениковъ. Остальныя (по крайней мѣрѣ большая часть) были переведены въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вв. въ Болгаріи, при болгарскомъ царѣ Симеонѣ, въ періодъ расцвѣта церковно-славянской письменности. «Прологъ сего христодобиваго царя Симеона», или церк.-слав. стихотвореніе въ похвалу Симеону, находящееся при сборникѣ изъ 137 (точнѣе—135) словъ Златоуста, извѣстномъ подъ именемъ *Златоструя*, сообщаетъ, что самъ царь выбралъ эти слова и наименовалъ составившуюся изъ нихъ книгу «Златоструйной». Но, вѣроятно, здѣсь, какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, воспользовались готовымъ греческимъ сборникомъ.—Повидимому вскорѣ послѣ «Златоструя» появился въ Болгаріи другой сборникъ изъ 80 словъ

Златоуста, дошедшій до насъ вполнѣ въ Макаревскихъ Четьихъ-Минейхъ (подъ 13 ноября) и не вполнѣ находящійся въ рускомъ спискѣ XII в., имѣющій 67 тѣхъ же словъ и въ томъ же переводѣ, какъ и «Златоструй», но въ другомъ порядкѣ. Наши ученые обыкновенно называютъ его также Златоструемъ, но безъ основанія.—Приблизительно въ то же время были переведены 21 слово Златоуста по случаю низверженія императорскихъ статуй въ Антиохіи; этотъ сборникъ въ древней Руси назывался *Андріятисъ*.—Нѣкоторое число словъ Златоуста входило въ составъ греческихъ Четьихъ-Миней древней (до-метафрастовской) редакціи и было переведено вмѣстѣ съ житіями и словами другихъ отцовъ, составлявшими этотъ сборникъ.

Можно думать, что всѣ упомянутыя слова Златоуста перешли со славянскаго юга на Русь въ началѣ существованія русской письменности, т. е. въ X—XI вв. и быстро сдѣлались,—не смотря на буквальность и отсюда мѣстами неясность перевода,—любимымъ чтеніемъ у древне-русскихъ книжниковъ. Послѣдніе измѣнили многіе изъ нихъ, сдѣлавъ вставки, сокращенія, упростивъ языкъ; ихъ передѣлки находятся въ наибольшемъ числѣ въ *Измарагдѣ* и *Златоустѣ*, двухъ сборникахъ поученій, составленныхъ въ Россіи въ XIV в.,—первый для домашняго чтенія мірянъ, второй для церковнаго употребленія.

Въ XIV и XV вв., во время живыхъ сношеній русскихъ съ южными славянами, возобновившихся при ослабленіи татарскаго ига, наши предки получили отъ этихъ славянъ значительное число неизвѣстныхъ имъ ранѣе произведеній Златоуста, переведенныхъ на церковно-славянскій языкъ въ Болгаріи XIII—XIV вв.—Одна часть ихъ составляла сборникъ *Маргаритъ* (т. е. жемчугъ), обыкновенно имѣющій въ русскихъ спискахъ около 30 словъ; онъ былъ переведенъ монахомъ Діонисіемъ, ученикомъ болгарскаго патріарха Θεодосіа (XIII в.); «Маргаритъ» получалъ широкое распространеніе въ Россіи и дошелъ до насъ въ большомъ числѣ списковъ. Другая часть входила въ составъ *Учительнаго Евангелія*, сборника словъ для произнесенія въ церкви въ воскресные и праздничные дни, составленнаго, по греческимъ рукописямъ, — константинополь-

скимъ патріархомъ Филооеемъ, по русскимъ же спискамъ,—патріархомъ Каллистомъ. Оно было переведено дважды; оба перевода получили значительное употребленіе въ Россіи. Одинъ изъ этихъ переводовъ имѣетъ дату своего появленія на церк.-слав. языкѣ; по однимъ спискамъ это—1343 г., по другимъ это—1407 г. (вѣроятно, первая дата указываетъ на время составленія греческаго сборника, а вторая—на время перевода). Одновременно съ этими двумя сборниками былъ переведенъ на славянскомъ югѣ и перешелъ оттуда въ Россію еще рядъ словъ Златоуста.

Первые переводы произведеній Златоуста на церк.-слав. языкъ, сдѣланные въ Россіи, связаны съ Максимомъ Грекомъ. Онъ самъ въ 1525 г. перевелъ *Бесѣды* Златоуста на Евангеліе Іоанна, числомъ 88 (съ пропускомъ четырехъ главъ, отсутствовавшихъ въ той греческой рукописи, которую онъ пользовался), а его сотрудникъ и ученикъ монахъ Селиванъ, при его содѣйствіи,—*Бесѣды* Златоуста на Евангеліе Матвея, числомъ 90. Почитатель Максима кн. Курбскій, бѣжавъ изъ Москвы въ южную Россію, на своей новой родинѣ занялся переводомъ произведеній Златоуста на церк.-слав. языкъ съ латинскаго и составивъ новый обширный сборникъ его словъ *Новый Маргаритъ*; послѣдній не получилъ распространенія. Затѣмъ, имъ былъ исправленъ и дополненъ недостающими главами сдѣланный Максимомъ Грекомъ переводъ *Бесѣдъ* на Евангеліе Іоанна.

Въ первой половинѣ XVII в. юго-западно-русскіе ученые издали на церк.-слав. языкѣ три большіе труда Златоуста: въ 1614 г. во Львовѣ «Книгу (или шесть словъ) о священствѣ» (съ житіемъ Златоуста и другими приложениями), въ 1623 г. въ Киевѣ *Бесѣды* на 14 посланій Ап. Павла и въ 1624 г. также въ Киевѣ *Бесѣды* на Дѣянія Ап. Первый трудъ былъ переведенъ львовскимъ іеромонахомъ Пафнугіемъ, второй—извѣстнымъ Лаврентіемъ Зизаніемъ, третій—учителемъ львовскаго училища Гаврииломъ Дороеевичемъ. Сверхъ того, Леонтіемъ Карповичемъ было переведено толкованіе Златоуста на «Отче нашъ», изданное въ 1620 г. въ Вильнѣ.

Во второй половинѣ того же XVII в. усердно трудятся надъ произведеніями

Златоуста въ Москвѣ. Одно его слово въ новомъ переводѣ на церк.-слав. языкѣ издано въ московскомъ «Анѳологіонѣ» 1660 г., нѣсколько словъ также «новопереведенныхъ»—въ московскомъ же «Маргаритѣ» 1698 г.; нѣсколько словъ, переведенныхъ монахомъ Евѳиміемъ, осталось въ рукописяхъ. Евѳимій же еще свѣрилъ съ греческимъ подлинникомъ, исправилъ и приготовилъ къ печати «Андріатисъ».

Первыя печатныя изданія произведеній Златоуста, увидѣвшія свѣтъ въ Россіи, относятся къ XVI в. Вышеупомянутое «Учительное Евангеліе» Филоея (или Каллиста) было напечатано впервые въ 1569 г. въ Заблудовѣ (нынѣ гродненской губ.), потомъ, въ XVII в., оно было издано еще нѣсколько разъ, между прочимъ дважды въ переводѣ съ церк.-слав. языка на западно-русскій книжный языкъ, въ 1616 г. въ Евѣѣ (близъ Вильны) и въ 1637 г. въ Кіевѣ. «Маргаритъ» былъ напечатанъ въ первый разъ въ 1595 г. въ Острогѣ; потомъ это изданіе, съ дополненіями, было повторено въ 1642 г. и въ 1698 г. въ Москвѣ. «Книгу о священствѣ» и другія юго-западно-русскія изданія мы упомянули выше. Бесѣды на Евангеліе Матѳея и Бесѣды на Ев. Іоанна,— послѣднія съ исправленіями и дополненіями Курбскаго,—были вновь пересмотрѣны Діонисіемъ Грекомъ и изданы въ 1664 и 1665 гг. въ Москвѣ. Нѣсколько словъ Златоуста было напечатано, вмѣстѣ со словами другихъ отцовъ церкви, въ «Соборникѣ», изданномъ въ 1647 и 1700 гг. въ Москвѣ.

Переходная Петровская эпоха не дала Россіи ничего новаго изъ произведеній Златоуста. Можно указать лишь на то, что тогда въ Москвѣ были вновь напечатаны: въ 1705 г. «Книга о священствѣ», въ 1707 г. «Учительное Евангеліе», въ 1709 г. Бесѣды на посланія Ап. Павла и въ 1712 г. Бесѣды на Дѣянія Ап., съ поправками директора московской типографіи Ѳедора Поликарпова. Но въ послѣдующее время, особенно во второй половинѣ XVIII в., былъ вновь переведенъ и изданъ рядъ трудовъ Златоуста, въ переводѣ какъ на церк.-слав., такъ и на русскій языкъ. Можно отмѣтить: Бесѣды на первую книгу Моисееву Бытія, М. 1766 (нѣсколько изданій); Бесѣды на десять псалмовъ Давидовыхъ, М. 1773 (нѣсколько изд.); Бесѣды на нѣкоторые псалмы Давидовы, М.

1775; Бесѣды на всѣ псалмы Давидовы (кромѣ переведенныхъ ранѣе, и другія слова Златоуста), М. 1787; Бесѣды къ антиохійскому народу, Спб. 1778; Шесть словъ о священствѣ, Спб. 1776; Книга о дѣвствѣ, М. 1783; Десять бесѣдъ о покаяніи, 14 на нѣкоторые господскіе праздники и воскресные дни и 10 поучительныхъ словъ или бесѣдъ на псалмы и др. тексты, Кіевъ 1774; особенно усердными переводчиками были Ст. Писаревъ и свящ. Ив. Ивановъ (Сидоровскій). Сверхъ того, появилась, въ переводѣ съ лат., книга: Духъ или мысли Іоанна Златоуста, или сокращенное нравственное его ученіе, М. 1781. Наконецъ были вновь изданы Маргаритъ, М. 1764, 1776, Бесѣды на Евангеліе Матѳея, М. 1781, и Бесѣды на Евангеліе Іоанна, М. 1793,— послѣднія двѣ книги съ исправленіями архим. Амвросія и архіеп. Иринея (Клементьевскаго).

XIX-е столѣтіе ознаменовалось переводомъ на русскій языкъ всѣхъ твореній Златоуста. Онъ былъ сдѣланъ преподавателями Спб. Дух. Академіи и изданъ въ приложеніи къ «Христіанск. Чтенію» въ первый разъ въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, во второй, начатый (въ 1895 г.) по инициативѣ основателя и перваго редактора настоящей «Энциклопедіи» † проф. А. П. Лопухина—какъ «Полное собраніе твореній» Златоуста (закончено въ 1906 г.). Сверхъ того, были вновь переведены на русскій языкъ Толкованія Златоуста на посланія Ап. Павла, М. 1839—1844, и рядъ мелкихъ произведеній, изданныхъ отдѣльно; можно отмѣтить: Слова о священствѣ, перев. свящ. Колоколова, Спб. 1874; О воспитаніи дѣтей, перев. архіеп. Филарета черниг., Спб. 1889; О дѣвствѣ, перев. М. Викторовой, Спб. 1892, и др. (см. выше стлб. 941—942). Нѣсколько словъ Златоуста въ переводѣ на древній церк.-слав. языкъ въ XIX в. были изданы какъ памятники этого языка, въ составѣ Клодова сборника и Супрасльскаго рукописи XI в. † акад. И. И. Срезневскимъ. Еще нѣсколько словъ и весь «Маргаритъ» (вполнѣ) были изданы какъ часть Макарьевскихъ Четыхъ-Миней Археологическою Комиссіей.

Литература. Горскій и Невоструевъ, Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синодальной Библиотеки; отдѣлъ 2-й, М. 1857—1862. Проф. А. С. Арагангельскій: Творенія отцовъ церкви въ древне-

русской письменности (обозрѣніе рукописнаго матеріала) въ «Журн. М. Н. Пр.» 1888 г.; Творенія отцовъ церкви въ др.-р. письменности: Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, I—IV, Казань 1889—1890; Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. въ «Чтенія Моск. Общ. ест. и др.» 1888 г., кн. 1. Акад. А. И. Соболевскій: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., Спб. 1903; Къ исторіи древнѣйшей п.-сл. письменности въ «Русск. Филолог. Вѣстн.» 1902 г. № 1. Проф. В. Н. Маминъ, Исслѣдованіе Златоустура по рукописи XII в., Киевъ 1878. Митр. Антоній (Вадковскій), Изъ исторіи христіанской проповѣди, изд. 2-е, Спб. 1895. Яковлевъ, Къ литературной исторіи др.-р. сборниковъ: опытъ изслѣдованія Измарагда, Одесса 1893.

А. И. Соболевскій.

Іоаннъ Златоустъ и его литургія. Изъ трудовъ Іоанна Златоуста по устройству богослуженія (введеніе всенощныхъ бдѣній въ Константинополь: Сократъ, Церковная Исторія 6, 8; составленіе нѣкоторыхъ молитвъ чина елеосвященія) наибольшую извѣстность пользуется составленная имъ литургія [переводъ ея на русскій языкъ съ предисловіемъ см. въ «Собранія древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ», вып. 2-й (Спб. 1875), стр. 109—119; 120—132]. Древнѣйшее свидѣтельство о ней принадлежитъ преемнику І. Златоуста по константинопольской кафедрѣ патріарху Проклу. Отмѣтивъ въ своемъ трактатѣ «О преданіи божественной литургіи» утомленіе современниковъ Василія в. продолжительностію литургіи и фактъ ея сокращенія послѣднимъ, онъ непосредственно за этимъ замѣчаетъ: «спустя немного времени, опять златословесный отецъ нашъ Іоаннъ, какъ пастырь, ревностно заботящійся о спасеніи овецъ и обращающій вниманіе на льность челоуѣческой природы, захотѣлъ исторгнуть съ корнемъ всякій сатанинскій предлогъ; посему и исключилъ многое изъ литургіи и учредилъ, чтобы она совершалась сокращеніемъ» (Migne gr. LXV, 850; Собраніе древнихъ литургій II, стр. 237). Изъ позднѣйшихъ писателей о литургіи съ именемъ І. Златоуста упоминаютъ патр. іерусалимскій Софроній (VII в.): «нынѣ болѣе прочишь въ уваженіи священодѣйствіе Василія в. и Іоанна Златоуста съ литургіею преждеосвященныхъ» (Писанія отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію прав. богослуж. I, стр. 266),— канонистъ Феодоръ Вальсамонъ (XII в.), отвѣтившій александрійскому патр. Марку,

что всѣ церкви должны совершать священодѣйствіе по преданію Василія в. и Іоанна Златоуста (Migne gr. CXIX, 1033),—Симеонъ солунскій: «богоглаголивые Василій и Златоустъ, подробно изложившіе чинъ тайноводства, предали совершать его такъ, какъ совершаетъ наша церковь» (Писанія отп. и учит. III, стр. 9),—Николай Кавасила (ibid. II, стр. 120) и др. Фактъ литургической дѣятельности І. Златоуста подтверждается также множествомъ списковъ литургіи его имени, начиная съ древнѣйшаго Барберинова VIII—IX в. (изданъ Боагоумъ, *Εὐχολόγιον*, стр. 83—85; на русскомъ языкѣ во 2-мъ вып. Собр. др. лит., стр. 120 и д.) и почти современныхъ ему—списка московскаго Румянцевскаго музея Севастьяновскаго собранія № 374 X—XI в., сходной съ нимъ рукописи X в. Синайской библи. № 958 и списка изъ собранія преосв. Порфирія (Успенскаго) IX—X в. († проф. Н. Θ. Красносельцевъ, Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургич. рукоп. Ватиканской библи. стр. 236—280; 283—295. Проф. А. А. Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ рукописей II, стр. 20). Насколько несомнѣнна литургическая дѣятельность І. Златоуста, настолько несомнѣнно и то, что составленная имъ литургія представляла не столько оригинальный, самостоятельный трудъ, сколько сокращеніе болѣе ранней и извѣстной ему литургіи Василія в. Справедливость подобнаго взгляда, раздѣляемаго какъ отечественными, такъ и западными литургистами (Н. Θ. Красносельцевъ, Свѣдѣнія, стр. 222. Проф. А. Л. Катанскій, Очерки исторіи литургіи нашей православной церкви въ «Христ. Чтен.» 1868 г. № 10, стр. 538. Архiep. Филаретъ, Историческій обзоръ пѣснопѣній, стр. 126. Авторъ предисловія къ тексту литургіи І. Златоуста въ 2-мъ выпускѣ «Собранія древнихъ литургій», стр. 114 и д. *Augusti, Denkwürdigkeiten IV, S. 335. Binterim, Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten IV, S. 230 Bunsen, Hyppolitus und seine Zeit II, S. 403. Probst, Liturgie des vierten Jahrhunderts und deren Reform, S. 413*), подтверждается ближайшимъ сходствомъ обрядовъ литургій при сравнительной краткости Златоустовой (подробнѣе см. объ этомъ въ цитованныхъ сочиненіи и томѣ Bunsen'a стр. 538—66 и А. Л. Катанскаго стр. 541, пр. 1), а равно и встрѣчающимися въ ея те-

кстѣ по древнимъ спискамъ, напр., Россанскому XI в., ссылками на литургію Василія в. (*Н. Θ. Красносельцевъ*, Свѣдѣнія, стр. 202).

Отмѣчая фактъ зависимости литургіи І. Златоуста отъ Василіевой, древніе списки даютъ въ то же время понять, въ какомъ видѣ слѣдуетъ понимать произведенное имъ сокращеніе,—на что оно простиралось,—а чрезъ это намѣчаютъ въ общихъ чертахъ и составъ лично ему принадлежавшей литургіе. Именно, въ спискахъ Барбериновомъ, Севастьяновскомъ и Россанскомъ литургія І. Златоуста состоитъ почти изъ однихъ молитвъ безъ обрядовыхъ дѣйствій, т. е.—по сознанию церкви—имъ составлены только молитвословія. Это загадочное на первый взглядъ явленіе находитъ свое объясненіе и подтвержденіе въ томъ, что и Василію в. принадлежалъ лишь «*διατάξεις τῶν εὐχῶν*»,—чинъ молитвъ (20 бесѣда Григорія назіанзина). Другими словами, и его литургическая дѣятельность проявилась только въ области регламентаціи молитвъ и не простиралась на весь обрядъ,—послѣдній совершался по принятому обычаю. Кромѣ молитвъ, вышедшая изъ руки І. Златоуста литургія ничего другого не могла содержать, такъ какъ ея оригиналь—литургія Василія в.—ограничивался тѣмъ же составомъ. Оба составили молитвы, а все остальное предоставили свободѣ и принятому обычаю. Сообразно съ подобнымъ пониманіемъ литургической дѣятельности І. Златоуста вопросъ о составленной имъ литургіи сводится къ вопросу о томъ, какія изъ извѣстныхъ по существующимъ спискамъ молитвъ могутъ быть названы его произведеніемъ.

Вполнѣ достаточный матеріалъ для отвѣта на указанный вопросъ содержатъ четыре древнѣйшіе списка литургіи І. Златоуста—Барбериновъ, Севастьяновскій, тожественная съ нимъ рукоп. Синайской библи. № 958 и Россанскій списокъ. Относя къ первоначальной редакціи только общія имъ молитвы, какъ того требуетъ извѣстное въ литургикѣ положеніе «все общее ведетъ начало изъ одного источника», мы должны будемъ исключить изъ ея состава четыре начальныя молитвы Барберинова списка: молитву предложенія, входа, Трисвятаго и молитву у сѣдалища при жертвенникѣ. Какъ отсутствующія въ спискахъ Россанскомъ и

Севастьяновскомъ (*Н. Θ. Красносельцевъ*, Свѣдѣнія, стр. 200; 237—41), онѣ представляютъ позднѣйшую вставку. За такое происхожденіе разсматриваемыхъ молитвъ и говорить, дѣйствительно, ихъ характеръ. Первая изъ нихъ,—«молитва предложенія»,—стоитъ въ началѣ литургіи и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что служба предваряется совершеніемъ проскомидіи, приношеніемъ даровъ для таинства евхаристіи. Между тѣмъ въ четвертомъ и во всѣ послѣдующіе вѣка вплоть до восьмого данный актъ имѣлъ мѣсто послѣ удаленія оглашенныхъ изъ храма, совершался въ срединѣ литургіи, но не въ ея началѣ (см. статью *А. В. Петровскаго*, Древній актъ приношенія вещества для таинства евхаристіи и послѣдованіе проскомидіи въ «Христ. Чт.» 1904 г. № 3, стр. 406 сл.). При Златоустѣ не могло быть предъ литургіею приношенія даровъ, не могло быть въ началѣ ея и приспособленной къ нему молитвы. Съ другой стороны, если молитва приношенія Барберинова списка есть не что иное, какъ повторенная съ небольшими сокращеніями молитва александрійской литургіи св. Марка (Собраніе древнихъ литургій III, стр. 30), то странно думать, что внесеніе ея въ литургію І. Златоуста—дѣло его самого. Такимъ же точно заимствованіемъ, только изъ литургіи Ап. Іакова, оказывается и молитва входа (Собр. др. лит. II, стр. 151). Въ литургіи Ап. Іакова она появилась послѣ исключенія изъ ея состава молитвъ за оглашенныхъ (см. выше статью о литургіи Ап. Іакова: стлб. 91 сл.), т. е. послѣ Златоуста, знающаго институтъ оглашенія и молитвы за оглашенныхъ на литургіи (2-я бесѣда на 2 Кор.); слѣдовательно, внесеніе данной молитвы въ литургію его имени принадлежитъ позднѣйшему времени. Что касается, наконецъ, молитвы Трисвятаго, то Златоусту она не можетъ принадлежать уже по тому одному, что пѣніе «Святый Боже», слѣдовательно, и молитва введены въ литургію позднѣе (пѣснопѣніе «Святый Боже» внесено въ литургію въ 438 или 439 г.: Георгій Кедринъ, Церковная Исторія по русск. пер. I т., стр. 599—600). Къ числу не принадлежащихъ къ первоначальной редакціи молитвъ должна быть отнесена также отсутствующая въ Севастьяновскомъ списокѣ молитва списковъ Барберинова и Россанскаго: «Внемли, Гос-

поди Іисусе Христе Боже нашъ, изъ святаго Твоего жилища». Положимъ, она заимствована изъ литургіи Василія в., но, по всей вѣроятности, не изъ первоначальной редакціи, и принадлежать ему едва ли можетъ. Дѣло въ томъ, что она обращена къ Богу Сыну, тогда какъ другія молитвы Василіевой литургіи обращены къ Богу Отцу. Изъ числа молитвъ, составленныхъ самимъ І. Златоустомъ, должны быть исключены, наконецъ, отсутствующія въ Барбериновомъ спискѣ заамвонныя молитвы и молитвы въ діаконикѣ списковъ Россанскаго и Севастьяновскаго (*Н. Θ. Красносельцевъ*, Свѣдѣнія, стр. 202. 278—80). Позднѣйшее внесеніе ихъ въ литургію І. Златоуста доказывается тѣмъ, что одна изъ нихъ—«Отъ силы въ силу простираєсь»—заимствована изъ литургіи Ап. Іакова (Собр. др. лит. II, стр. 196; см. выше замѣчаніе о молитвахъ отъ жертвенника до сосудохранилища въ статьѣ о литургіи Ап. Іакова) и отсутствуетъ въ однородной съ Севастьяновскимъ спискомъ рукописи Синайской библ. № 958, а вторая—«Исполненіе закона», какъ подписываемая «εὐχὴ ἀλλή» (молитва иная), прибавлена, очевидно, послѣ первой, т. е. еще позднѣе. Если бы всѣ перечисленныя молитвы были составлены самимъ Златоустомъ, т. е. относились къ первоначальной редакціи его литургіи, то едва ли бы встрѣчались въ древнихъ спискахъ такъ рѣдко, едва ли бы выпали когда-нибудь изъ принадлежащей ему литургіи. Оущеніе ихъ—дѣло совершенно невозможное въ виду того громаднаго уваженія и авторитета, которыми пользовалось въ древности имя Златоуста.

Въ результатѣ исключенія вышеотмѣченныхъ молитвъ общими для всѣхъ трехъ списковъ оказываются лишь слѣдующія: молитва объ оглашенныхъ, двѣ молитвы вѣрныхъ по распростертіи илтона, молитва приношенія по поставленіи св. даровъ на трапезѣ, молитвы св. возношенія (евхаристическія) съ предшествующими имъ возгласами, тайная молитва священника во время ектеніи «Вся святая помянувшее», молитва по «Отче нашъ», предъ возгласомъ «Святая святымъ» и послѣ причащенія. Онѣ-то и могутъ быть признаны за ядро первоначальной редакціи литургіи Іоанна Златоуста, какъ молитвы, имъ самимъ составленныя.

Въ пользу такого вывода, кромѣ вышеуказаннаго положенія—«все общее ведетъ начало изъ одного источника», говоритъ Севастьяновскій списокъ. Изложенная въ немъ литургія І. Златоуста дѣлится на три части: отъ молитвы объ оглашенныхъ до молитвы проскомидіи, отъ этой послѣдней до заамвонной и потомъ до конца; при этомъ первыя двѣ части надписываются именемъ Златоуста, а послѣдняя такого надписанія не имѣетъ (*Н. Θ. Красносельцевъ*, Свѣдѣнія, стр. 241. 247. 278). По смыслу надписанія, св. Златоусту принадлежитъ, несомнѣнно, рядъ молитвъ, начиная съ молитвы объ оглашенныхъ до заамвонной; все остальное—добавленіе позднѣйшаго времени. Не довѣрять объективности показанія Севастьяновскаго списка нѣтъ основанія. Сказавшійся въ нихъ древній церковный взглядъ на объемъ составленной самимъ Златоустомъ литургіи оправдывается тѣмъ, что во все послѣдующее время вышеперечисленныя молитвы признавались за молитвы именно Златоуста, никогда не исключались изъ списковъ литургіи его имени.

Общія спискамъ Барберинову, Севастьяновскому, Россанскому и рукописи X в. Синайской библиот. № 958 молитвы литургіи І. Златоуста составляютъ въ ней то, что принадлежитъ несомнѣнно ему. Добавленіями къ указаннымъ молитвамъ служили въ его время тѣ литургическія дѣйствія и молитвословія, которыя входили въ составъ литургіи IV в. и о которыхъ можно судить по его бесѣдамъ. Къ нимъ принадлежитъ пѣніе псалмовъ (Бесѣда на 41 пс.: Творенія І. Златоуста въ русс. перев. V, 1, Спб. 1899, стр. 162, отд. 166. Бесѣда 11 на Евангеліе Матѳея, *ibid.* VII, 1, Спб. 1901, стр. 120, отд. 200), начинающее литургію, чтеніе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта (Бесѣда 29 на кн. Дѣяній: IX, стр. 229), поученіе, молитвы за оглашенныхъ (Бесѣда 2-я на 2 Кор.), приношеніе даровъ для таинства евхаристіи и молитвы о предложенныхъ дарахъ (Бесѣда о постыщихся въ Пасху). Большая часть этого содержанія, какъ имѣющая только временное значеніе (напр., молитвы объ оглашенныхъ, чтеніе отрывковъ изъ Ветхаго Завѣта, поученіе), была впоследствии устранена изъ литургіи І. Златоуста, но вмѣсто нея она получила новыя добавле-

нія. Съ начальными ихъ слѣдами мы встрѣчаемся уже въ Барбериновомъ спискѣ VIII—IX в. и спискѣ преосв. Порфирія (Успенскаго) IX—X в. Но такъ какъ воспроизводимая ими редакція литургіи Іоанна Златоуста появилась не въ Константинополѣ, а, по всей вѣроятности, въ Александріи, о чемъ свидѣлствуютъ заимствованія изъ литургій Ап. Іакова и Ев. Марка, то она не получила распространенія и не оказала вліянія на дальнѣйшее развитіе литургіи. Последнее совершалось подъ воздѣйствіемъ литургіи Василія в.: изъ нея заимствуются и вносятся въ Златоустову различныя добавленія, постепенно приближающія ее къ современному виду. Такъ, въ чинѣ литургіи І. Златоуста по рукописи XII в. Синайской бібліотеки № 973 и списку XIII в. Ватиканской бібл. № 1170 встрѣчаются такія извѣстныя по Барберинову и Севастьяновскому сп. молитвы литургіи Василія в., какъ «предложенія въ сосудохранилищѣ, когда хлѣбъ полагается на дискосъ»—«Боже, Боже нашъ, пославшій въ пищу всему міру небесный хлѣбъ», перваго, втораго и третьяго антифона—«Господи Боже нашъ, Котораго держава непримѣрна», «Господи Боже нашъ, спаси народъ Твой», «Ты, Который даровалъ намъ сѣи общія и согласныя молитвы», входа—«Владыка Господи, Боже нашъ, поставившій на небесахъ чины и воинства Ангеловъ», Трисвятаго—«Боже святыи и во святыхъ почитающій» и Херувимской пѣсни—«Никто изъ связанныхъ плотскими похотями и наслажденіями недостойнъ приступать» (А. А. Дмитриевскій, Описание литургическихъ рукописей II: *Εὐχολόγια*, стр. 83—84. Н. Θ. Красносельцевъ, Свѣдѣнія, стр. 146—147. Собрание древнихъ литургій II, стр. 58—59. 62). Въ такой же точно зависимости отъ литургіи Василія в. находится Златоустова въ составѣ малаго входа и слѣдующихъ за нимъ литургическихъ дѣйствій (ср. чинъ лит. Василія в. по рукоп. XII—XIII в. № 1020 Синайской бібл. у А. А. Дмитриевскаго, Описание II, стр. 140—141 и чинъ лит. І. Златоуста того же столѣтія по рукоп. изъ бібл. леди Бурде-Кутъ у Н. Θ. Красносельцева, Свѣдѣнія, стр. 204—205).

Къ числу наиболѣе важныхъ пополненій первоначальнаго состава литургіи І. Злато-

уста относятся, далѣе, молитвы и дѣйствія входа, проскомидіи, великаго входа и акта причащенія. Первые вмѣстѣ съ молитвами облаченія заняли мѣсто въ самомъ началѣ службы и въ большинствѣ случаевъ ограничивались молитвою «Господи Боже нашъ, ниспосли руку Твою» (Криптоферратскій спис. XIII в.: *Goar, Εὐχολόγιον*, стр. 85; Уставъ патріарха Филовея: Н. Θ. Красносельцевъ, Матеріалы для исторіи чинослѣдованія лит. І. Златоуста I, стр. 36; рукоп. Синайской бібл. XV в. № 986: А. А. Дмитриевскій, Описание II, стр. 602; рукоп. XV в.—бібл. Іерусалимской патріаршей и Ватиканской: Н. Θ. Красносельцевъ *ibid.*, стр. 82. 95). Въ нѣкоторыхъ спискахъ, — напр., второмъ Криптоферратскомъ, — къ ней присоединяется «Вниду въ домъ Твой» (*Goar, Εὐχολόγιον*, стр. 89), а въ Илитаріи Есфигменской бібл. 1306 г.—«Возлюбихъ благолѣпіе дома Твоего» (А. А. Дмитриевскій *ibid.*, стр. 262). Современный составъ входныхъ молитвъ воспроизводится въ одномъ *Εὐχολόγιον* венеціанскаго изданія XVI в. (*Goar, ibid.*, стр. 70. Ср. чинъ лит. Василія в. по рукоп. XVI в. Святогорской константин. бібл. № 425: А. А. Дмитриевскій, Описание, стр. 818). Что касается проскомидіи, то въ спискахъ александрійской редакціи она встрѣчается уже въ IX—X в. (списокъ преосв. Порфирія: Н. Θ. Красносельцевъ, Свѣдѣнія, стр. 283), но по спискамъ константинопольской становится извѣстною не ранѣе XI ст. (рукоп. Синайской бібл. № 96: А. А. Дмитриевскій, Описание II, стр. 75). Ограничиваясь въ этомъ вѣкѣ одною, заимствованною изъ литургіи Василія в., молитвою — «Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ», она въ XII ст. нѣсколько расширяется: къ молитвѣ предложенія присоединяется молитва оиміама (рук. Синайской бібл. № 973: А. А. Дмитриевскій, *ibid.*, стр. 83), и простое положеніе хлѣба на дискосъ смѣняется изъятіемъ агнца (*Brightman, Liturgies Eastern and Western I*, стр. 542—543). Въ XIII—XIV в. составъ проскомидіи осложняется изъятіемъ частицъ изъ просфоръ и поминовеніями, и она принимаетъ почти современный видъ (см. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ А. В. Петровскаго въ «Христ. Чтеніи» 1904 г. № 3, стр. 418 сл.). Въ противоположность проскоми-

днѣ, современный составъ великаго входа образовался не такъ скоро и рано. При установленіи его подробностей первоначально не держались, кажется, какого-либо опредѣленнаго взгляда. Отсюда, съ одной стороны, ихъ разнообразіе въ спискахъ самой литургіи І. Златоуста, а съ другой— ея отличія отъ литургіи Василия в. (см. статью Входъ въ «Энци.» III, 1069—1071). Древнѣйшее изложеніе современнаго обряда великаго входа встрѣчается въ рук. Святогробской константинопольской библ. XVI в. № 425 (*А. А. Дмитриевскій*, Описание II, стр. 822—823). Тѣ же самые слѣды постепеннаго образованія замѣтны и въ исторіи развитія акта раздробленія св. тѣла предъ приобщеніемъ. Если въ XI—XII вв. всѣ относящіяся сюда дѣйствія сводятся къ изытію изъ св. тѣла частицы и погруженія ея въ чашу при произношеніи словъ: «Исполненіе Духа Св.» (рукоп. Синайской библ. № 96: *А. А. Дмитриевскій* *ibid.*, стр. 75), то въ XIII ст. становится обычнымъ раздробленіе св. тѣла на четыре части, чтеніе при этомъ дѣйствіи тѣхъ же, что и нынѣ, молитвъ, крестообразное распредѣленіе частицъ на дискосъ, погруженіе одной изъ нихъ въ потиръ, въ который тотчасъ же вливается теплота, раздробленіе верхней частицы на двѣ половины для приобщенія священника и діакона. Подобный порядокъ встрѣчается въ чинѣ литургіи І. Златоуста по рукоп. Патмосской библ. № 709 и 719 (*А. А. Дмитриевскій*, Описание II, стр. 158. 174), устанавливается параллельно такому же порядку въ литургіи Василия в. (рукоп. XIII в. Синайской библ. № 1020: *А. А. Дмитриевскій*, *ibid.*, стр. 144—145) и закрѣпляется на будущія времена въ уставѣ патр. Филовея (*Н. О. Красносельцевъ*, Матеріалы, стр. 70—72).

По памятникамъ русской церкви литургія І. Златоуста становится извѣстною съ XII ст. Дошедшіе отъ этого и позднѣйшаго времени списки представляютъ ее въ томъ же самомъ процессѣ сформированія, въ какомъ она находилась въ данный періодъ въ Греціи. Здѣсь къ этому времени литургія І. Златоуста опредѣлилась въ своихъ главныхъ частяхъ (молитвы Севастьяновскаго списка и дополненія изъ литургіи Василия в.), но не успѣла сложиться въ подробно-

стяхъ входа, проскомидіи и т. д. То же самое наблюдается и въ русской церкви. И, прежде всего, такъ называемыя входныя молитвы были неизвѣстны въ ней до XIV в., отъ этого же столѣтія сохранились два памятника съ ихъ изложеніемъ. По одному священникъ при входѣ въ храмъ читаетъ: «Радуйся, дворе Божія» и «Непроходимая дворе, тайно знаменана Богородице»; у царскихъ вратъ—«Пречистому Твоему образу» и при входѣ въ алтарь—Пс. 14 и 22, Трисвятое, Отче нашъ, «Помилуй насъ, Господи», слава и нынѣ, «Милосердія источникъ» и тропари дневнаго святого и храма. Непосредственно за этимъ слѣдовало умовненіе рукъ съ пѣніемъ Пс. и чтеніе пяти молитвъ, извѣстныхъ по памятникамъ XII в. (рукоп. Служебникъ XIV в. № 522, 1—9). По другому памятнику—Служебнику Румянцевскаго музея № 398—священникъ читалъ на входѣ «Пречистому Твоему образу», «Непроходимая дворе», Псал. 14. 22. 50, Трисвятое, Отче нашъ, «Помилуй насъ, Господи», «Господи, ниспосли руку Твою». Одновременно съ этимъ въ нѣкоторыхъ служебникахъ XIV в. входное ограничивается одною молитвою «Господи, ниспосли руку Твою» (Служеб. Синод. библ. № 601. 952; Румянцевскаго музея № 400). Въ XV в. разнообразіе входныхъ молитвъ возрастаетъ еще болѣе. Изъ четырехъ извѣстныхъ за это время редакцій самая распространенная имѣла слѣдующій видъ. На пути въ церковь священникъ читалъ: «Гласъ радости», «Промыша стопы моя», Псалмы: «Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ», «Господь пасеть мя», при входѣ въ храмъ—«Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному», «Достойно есть», слава и нынѣ, «Господи помилуй», «Господи благослови», «За молитвы Твоя Матере». Затѣмъ, возложивъ на себя епитрахиль, священникъ предъ царскими дверями читалъ: «Радуйся, дворе Божія», «Подъ Твою милость», «Господи, отыми отъ мене беззаконія моя», «Непроходимая дворе»; послѣ этого онъ кланяется предъ царскими дверями, равно къ правой и лѣвой сторонѣ, произнося слѣдующее: при поклонѣ къ правой сторонѣ—«Входяй въ домъ Твой», «Бога изъ Тебя воплощающагося»; при поклонѣ къ лѣвой—«Господи, устѣ мои отвержи на мольбу», «Пречистому Твоему образу», «О Тебѣ радуется»;

если «недѣля», то воскресный тропарь и Благовѣщенію, потомъ тропарь храма, Златоуста и дневного святого. Послѣ слѣдующаго за этимъ лобызанія иконъ Спасителя, Богородицы, а равно и другихъ и чтенія соответствующихъ тропарей священникъ входитъ къ жертвеннику, произнося молитву «Господи, ниспосли руку Твою»; а войдя и ставъ предъ престоломъ, произноситъ слѣдующія молитвы: «Владыко Господи Вседержителю, не хотяи смерти грѣшника», «Господи Боже нашъ, единъ благо и человѣколюбецъ», «Господи Боже нашъ, Сыне и Слове Бога живаго», «Господь премилостивый да ущедритъ тя» и, наконецъ, молитву надъ виномъ «Господи Боже нашъ, благий и человѣколюбче, призри на вино сіе» (Служебн. Софійевской библ. № 567, 2—26: *Н. Ѳ. Одимцовъ*, Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в., стр. 197—198). Въ XVI в. число редакцій входнаго достигаетъ семи; самая краткая ограничивается одною молитвою— «Господи, ниспосли руку Твою», а самая обширная имѣетъ болѣе двадцати (*А. А. Дмитріевскій*, Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в., стр. 56—67). Что касается входныхъ молитвъ литургіи I. Златоуста по старопечатному служебнику, то онѣ совпадаютъ съ вышеперечисленными молитвами XIV ст. Разница лишь въ томъ, что вмѣсто «Боже, милостивъ буди миѣ грѣшному» и всего дальнѣйшаго, кончая молитвою «За молитвы Пречистыя Твоя Матери», полагается чтеніе «Царю небесный» и «Придите, поклонимся». Равнымъ образомъ входное оканчивается молитвою— «Господи, ниспосли руку Твою» (іером. *Филаретъ*, Чинъ литургіи I. Златоуста въ «Братскомъ Словѣ» 1876 г., 2, стр. 45). Взятая во всемъ своемъ объемѣ, входныя молитвы русской редакціи не имѣютъ себѣ прототипа въ греческихъ служебникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ можно находить въ памятникахъ греческой церкви то между молитвами чина покаянія, то между молитвами предъ причащеніемъ, то, наконецъ, между молитвами на разные случаи. Что касается читаемыхъ на входѣ тропарей при лобызаніи иконъ, то они, несомнѣнно, греческаго происхожденія. За это ручается надписаніе ихъ именемъ патр. константинопольскаго Германа (*Новиковъ* въ «Древней россійской вивлиоикѣ»,

14 часть, стр. 253. *А. А. Дмитріевскій* op. cit., стр. 65. 74). Не меньшимъ разнообразіемъ отличался, далѣе, составъ проскомиди какъ въ отношеніи количества просфоръ, такъ и поминовеній. Число вывѣкъ на пространствѣ начальныхъ пяти вѣковъ не было вполне опредѣлено. Такъ, рукопис. служебники XII в. москов. библ. № 342 и 343 говорятъ о приготовленіи одной просфоры, а объ остальныхъ выражаются неопредѣленно: «проскумисавъ просфоры» (*Горскій и Невоструевъ*, Описание рукописей III, 1. 2. 6); новгородскій еп. Нифонтъ совѣтуетъ Кирику въ случаѣ нужды служить на одной просфорѣ, а на заупокойной литургіи употреблять три (Памятники русской словесности XII в., стр. 194, 173—174). Въ XIII в. число просфоръ доходитъ по нѣкоторымъ памятникамъ до пяти (Служ. Софійев. библ. № 524); оно же остается и въ XIV ст. (рукоп. Соф. библ. № 522, 523), хотя въ то же время употребляется четыре и три (рукоп. моск. Синод. библ. № 345: *Горскій и Невоструевъ* *ibid.* 3, 21; рукоп. Соф. библ. № 1053). Въ XV в. преобладающее число просфоръ было шесть (рук. Софійев. библ. № 562), но употреблялось семь (*ibid.* № 528. 529. 531), пять (*ibid.* № 535, 540) и три (*ibid.* № 530); подобное же явленіе наблюдается и въ XVI в. (рук. моск. Д. Акад. № 85; рук. Соловецкой библ. № 1085; рук. моск. Синод. библ. № 310. 617). При различіи въ количествѣ просфоръ неизбѣжно возникало различіе въ распредѣленіи поминовеній. При совершеніи проскомиди на трехъ просфорахъ—въ XV в. на послѣдней поминались святые, живые и умершіе; при четырехъ просфорахъ—изъ второй вынималась частица въ честь дневного святого, изъ третьей за живыхъ, изъ четвертой за усопшихъ и т. п. Что касается акта причащенія и предшествующихъ ему дѣйствій (о великомъ входѣ см. статью *Входъ* въ «Энци.» III), то раздробленіе св. хлѣба на четыре части встрѣчается уже въ памятникахъ XII в. (рукоп. москов. библ. № 342 и 343: *Горскій и Невоструевъ* *ibid.*, 3, 1. 3 и 7). Совершая его, священникъ говоритъ: «Въ преломленіи хлѣба познаста ученики Господа своего», а влагая хлѣбъ въ чашу, произноситъ: «Смѣшеніе святаго тѣла и честныя крови». Съ XIII в. становится

извѣстнымъ вливаніе въ потиръ теплоты съ произношеніемъ словъ: «Снидетъ яко дождь на руно и яко капля на землю каплющая». Въ XV в. раздробленіе св. тѣла согласно «Уставу» патріарха Филовея совершалось такъ, какъ и въ настоящее время; небольшія отличія заключались въ томъ, что при вліаніи теплоты въ чашу діаконъ говорилъ только «аминь», а при ея благословеніи священникъ произносилъ: «Благословенъ Богъ, благословляяй всяческая» (рукоп. Соф. библ. № 530). Въ XVI в. при раздробленіи св. тѣла читались тѣ же, что и нынѣ, слова, но въ нѣкоторыхъ памятникахъ они замѣнялись другими: «Раздробляется честное и святое и пречистое тѣло Господа и Спаса нашего І. Христа, полагается за мірскій животъ и спасеніе» и «Во имя едиnorodнаго Сына Божія, Господа Бога Спаса нашего І. Христа, познаста Тебе Господа. Дай намъ, Господи, грѣшникомъ познати Тя» (рукоп. моск. Синод. библ. № 680. 310. 909). Влагая верхнюю часть агнца въ потиръ, священникъ произносилъ: «Смѣшеніе св. тѣла и честныя крови», а вливая въ потиръ воду—«Теплота есть Святаго Твоего Духа». Подробнымъ же разнообразіемъ отличаются и молитвы при причащеніи. О всѣхъ перечисленныхъ и другихъ особенностяхъ русскаго чина литургіи Іоанна Златоуста см. подробнѣе въ цитованныхъ сочиненіяхъ *Одинцова, А. А. Дмитріевскаго*, его же Богослуженіе въ русской церкви за первые пять вѣковъ и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1882 г. III, 149 и 372, а также у іером. *Филарета* [но см. еще касательно Златоуста съ литургической стороны у *Dr. Ferd. Probst*, Die antiochenische Messe nach den Schriften des hl. Chrysostomus dargestellt въ «Zeitschrift für katholische Theologie» 1883, S. 250—303 и ср. у Prof. Dr. *Albert Ehrhard*, Die altchristliche Literatur und ihre Erforschung seit 1880, S. 203.]

Свящ. А. Петровскій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru